

Валерий ЗЕЛЕНОГОРСКИЙ

Байки грустного пони

Валерий Зеленогорский

Байки грустного пони (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3955355
Байки грустного пони : рассказы: Эксмо; М.: 2012
ISBN 978-5-699-59222-7

Аннотация

Жизнь человека удивительна тем, что непрерывна и полна полутонов. В ней печали сменяются радостями, а порой идут рука об руку друг с другом. И каждый – одновременно и спаситель, и предатель, и сторонний наблюдатель без страха и упрека.

Валерий Зеленогорский не осуждает и не идеализирует своих героев, любя и понимая их такими, какие они есть. Будь то нерешительные, одинокие, разочаровавшиеся во всем женщины и мужчины, лихие авантюристы в ореоле удачи или отчаянные оптимисты, намертво вгрызающиеся в жизнь.

В каждой байке автора – сюжет целого романа! В каждом герое – все человечество!

Содержание

Дама из «Евроконцерта»	4
Расширение памяти методом Налбандяна	8
Занзибар в посттравматическом синдроме	11
Таня и семь ее сыновей	17
Восьмое чудо света	32
Контрольный с клофелином	40
Химия и жизнь	45
Счастливый человек	52
ОКsана	57
Юноши, дышащие в затылок	68
Шемаханская царица, или Много ли человеку надо	76
Переходящее знамя	81
Счастья не бывает много!	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Валерий Зеленогорский

Байки грустного пони

Дама из «Евроконцерта»

Я работал в одном банке в отделе спецпроектов, руководство часто пеняло мне, что я пресекал инициативу своих сотрудников и некорректно обращался с различными посетителями, которые бомбили меня своими идеями. Я сделал выводы, и вскоре представился случай показать себя корректным и внимательным к инициативе снизу.

Банк готовился к десятилетию, и был объявлен конкурс на постановку данного действия. Предложения были в основном глупые и бестолковые, особенно запомнился визит одной дамы, которая представилась режиссером-постановщиком шоу из компании «Евроконцерт», работающей под эгидой ЮНЕСКО. Я такой организации не знал и попросил выслать мне предложения для изучения. Дама предложила встретиться тет-а-тет и за пять минут изложить мне три своих эксклюзивных предложения.

Я опять предложил прислать их по факсу. Дама возразила, что я воспользуюсь бесплатно ее интеллектуальной собственностью, что с ней уже не раз бывало. Помня об обещании руководству, я дал согласие на встречу, и через десять

минут в моем кабинете появилось существо лет пятидесяти, потрепанного вида, с двумя пластиковыми пакетами: в них, видимо, было все ее имущество – вещи и папки творческого наследия. На голове у нее была народная прическа типа хала, черная бархатная юбка с разрезом до бедер и белая прозрачная блузка без рукавов недельной свежести, завершал композицию лифчик под блузкой – розовый, огромного размера, потертый и желтоватый в подмышках. На полном предплечье для стиля была приклеена татуировка из-под пачки с жевательной конфеты «Чупа-чупс». Сюжет татуировки был тоже со смыслом: дракон, обнимающий другого дракона, а между ними – лилия, видимо, цветок был ее любимым. Пакеты она из рук не выпускала – боялась потерять авторские права на свои сценарии. Она мне мило улыбалась и старалась понравиться. Когда она закинула ногу на ногу, как в фильме «Основной инстинкт», я увидел ее прелести уже изнутри. Это был ее козырной аргумент, умело срежиссированный. Предложив ей чаю, я приготовился к сеансу легкого зомбирования нейрорептическим методом. Я ее не торопил, дама пила чай с легкой жадностью; печенье и конфеты она поглощала вместе – так, ей казалось, будет сытнее. Надувшись чаю, она приступила к презентации. Мне было предложено три варианта сценария.

Первый – шоу с живым медведем, второй – шоу с медведем и Машей Распутиной и третий, дорогой, – дворцовый бал с медведем, М. Распутиной и ею в роли ведущей, с

элементами вольтижировки на пони и с финальным прохождением по нисходящему канату с подносом шампанского брют, с кульбитом и выходом на шпагат у ног хозяина банка. Я выразил сомнение по поводу шпагата, и тут же, в кабинете, она села на шпагат, не выпуская из рук своих сумок. Подняться самостоятельно она не смогла, и я, как джентльмен, помог даме. Третий вариант – «роскошный» – был отвергнут мной в связи с бешеной сметой. Дама расстроилась и попыталась вяло сопротивляться, предлагая в качестве удешевления сметы убрать из меню банкета канапе, взамен она предлагала напечь пирожков с вязигой. Третий муж ее очень хвалил за это.

Перешли к первому варианту. Она оставила в покое свои сумки и изобразила медведя как гвоздь программы. Слоган праздника «10 лет успеха» предлагалось разместить на разных частях тела зверя, а логотип намечено было разместить на филейной части. Поясняя свою концепцию, она объяснила смысл этой задумки следующим образом: «Все остальные банки уже в жопе, а мы – сильные и могучие, как медведь». Мне это понравилось, но я заметил, что не хватает изюминки. Она взяла тридцать секунд на раздумье и выдала без перехода: завывала медвежьим четверостишьем в рэповой манере о процветании банка. Я убедился, что экшн есть. Распутину тоже пришлось убрать из-за дороговизны и невнятной целевой аудитории. Дама с ходу предложила замену – синтетическое шоу мытищинского дома культуры «Храмы Рос-

сии», пояснив, что она мигом переделает его в «Банки России», где в финале хозяин банка и два его партнера выйдут, как три богатыря, в народ и к гостям под звон колоколов храма Успения Богородицы. Этот выход был также забракован решительно. В головке банка не было ни одного Ильи Муромца – Петя, Женя и Миша были другими богатырями. Отчаяние дамы было невыносимым, и я решил мягко подвести итог. Я поблагодарил ее за сотрудничество и попросил подумать еще, разбудить фантазию, чтобы набросать феерию в лирико-мифологическом ключе и сделать хэппенинг. Она удивилась, но подумала, что для дела чего не сделаешь. Щеки ее порозовели, и она стала расстегивать блузку медленно и решительно – я понял, что она понимает хэппенинг иначе, чем я, и остановил ее стриптиз в самом начале. Видимо, в ее годы в институте культуры это не проходили.

Усталая и подавленная, она сидела в кресле и молчала, потом посмотрела мне пристально в глаза и сказала: «Вам не понравилось, и вы мне не позвоните». Я возмутился, вспомнив упрек руководства, и ответил ей: «Я вам не позвоню?! Да я заебу вас звонками!!!»

Она ушла, и больше я ее не видел; она была последней из могикан этого жанра, таких теперь уже и не делают!

Расширение памяти методом Налбандяна

Мой друг, ресторатор и поэт, сообщил мне как-то, что появился человек, который хочет организовать курсы по расширению памяти. Метод его был комбинацией йоги, ушу и медитации. Сам Налбандян был яркий человек из бывших комсомольцев, который желал осчастливить человечество и заработать при этом пару копеек. При встрече он рассказал о своем методе, продемонстрировал технику запоминания слова «тейбл». Для того чтобы запомнить слово «стол», нужно было придумать историю о том, что граф сидел за столом, а в спальне его жена нежилась со слугой – необходимо яркое событие, говорил наш гуру, я возразил: а что же понадобится сочинить на слово «бьютифул»? Гуру посмотрел на меня с сожалением и сказал, что он изучил язык курдов только на историях о сексе насекомых. Пришлось поверить этому энциклопедисту, и мы взялись за организацию курсов. Сняли зал в центре города, поселили Налбандяна в гостинице «Россия» и для рекламы привели его в воскресное шоу с Д. Дибровым, державшим суточный эфир до эпохи НТВ. Дима представил нашего гения так лихо, что звонки в студию посыпались лавиной. В конце зритель назвал двадцать слов на урду и санскрите, и наш профессор, щелкая пальца-

ми и закатывая глаза, воспроизвел их снизу вверх и сверху вниз. На следующий день перед залом стояла толпа в пару тысяч человек, одержимых научиться всему этому всего за 60 рублей недельного курса. Толпились ветераны с удостоверениями, бледные девушки с горящими глазами, желающие получить английский для выезда за рубеж. Группа людей еврейской национальности всех возрастов тоже хотела улучшить свой словарный запас. Были просто сумасшедшие и женщины из окружения Чумака и Кашпировского, мечтавшие найти в нашем Налбандяне нового кумира. Люди шли в порядке живой очереди с синими номерами на ладонках и толкались, как за водкой в период действия указа Горбачева – Лигачева. Я принимал отдельно остронуждающихся и ветеранов. Первый был полковник из Подольска, который требовал для себя льготы на оплату обучения, я ответил, что у нас коммерческие курсы и льгот нет, он настаивал и получил их на себя и внуку, которая Отечеству не служила, но я надеялся получить с нее натуральную оплату в виде невинных сексуальных утех. Следующая в очереди была девяностолетняя старуха, которая к своим годам уже не могла в оригинале читать Пруста и хотела подправить уставшую память. Я, преодолевая алчность, отговорил ее тратить половину пенсии на это предприятие. Я сказал ей: «Идите домой, это вам не поможет». Мы отбились от лишних служителей, записав их на другие недели, и процесс пошел. Налбандян учил их, я сидел в кассе и считал деньги. Он как-то зашел ко мне и го-

ворит: «Что ты не слушаешь курс, тебе же бесплатно?» Я посмотрел на него с удивлением, понимая, что он искренне верит в то, что делает. «Зачем?» – спросил я гуру. «Ты же бизнесмен, ты не должен вести записи, ты должен все запоминать, вот прижали тебя ребята крепкие, а у тебя бумаг нет и предьявы нет». Я ответил ему, что мне достаточно конкретно позвонить по телефону и я буду выдавать все тайны, как лазерный принтер, даже с картинками. Потом я спросил его, почему он мне не позвонил вчера вечером. «Номер забыл», – ответил мне теоретик расширения памяти. Курсы наши набирали силу, но учитель, слегка обнаглел, стал считать, что успех – это его личная заслуга, решил продавать кассеты со своими уроками, а нас в долю не взял. Мы пытались его урезонить, но звездная болезнь прогрессировала, появились метастазы наглости и откровенного хамства – вечная проблема звезды, которая забыла о своем прошлом. Он нам надоел, и мы пустили его в вольное плавание, где он и пребывает сейчас, иногда всплывая на каких-то каналах с демонстрациями своих рекордов. До сих пор я помню помешательство людей во времена Кашпировского, Чумака и нашего Налбандяна – они все вместе давали надежду миллионам после того, что с ними сделала Родина-мать.

Занзибар в посттравматическом синдроме

Летом в Париже жарко, кондиционеры не справляются с июльской жарой и не спасают от духоты. В сердце Парижа, на Елисейских Полях, в зале «Олимпия», были гастроли ансамбля донских казаков – они выступали по приглашению парижской мэрии. Мой товарищ был спонсором этого шоу, а я продюсером. Казаки пели и плясали, французы были счастливы, что те вошли в Париж не с пиками и ружьями, как когда-то после войны 12-го года, а, наоборот, услаждали французов на сцене за жалкие копейки. Спонсор, мой товарищ, жил под Версалем в собственном доме с красавицей женой и двумя собаками – мопсом, которого звали мистер Паг, и дико нервной собачкой по кличке Моня. Дом был хорош: бассейн, терраса, повар-сенегалец, знавший русский после Патриса Лумумбы, где он учился на медика, но врачом не стал, торговал наркотой и научился готовить в мордовском лагере для иностранцев, в Сенегал не вернулся, шлялся по Европе, осел в Париже и попал к моему товарищу в дом за добрый нрав, матерные песни и поговорки собственного сочинения: «На безрыбье и жопа соловей», «На бесптичье и х... водопровод» – и отменный вкус в приготовлении еды в стиле фьюжн. Казаки уехали в Марсель, а друг устроил ужин

для близких – отметить медаль парижской мэрии за вклад в дружбу народов. За столом собралась живописная компания – друг с женой; его французский партнер, сахарный брокер с женой, моделью из Алжира; русская пара из Питера, эмигранты первой волны, живущие в Луизиане, глухой провинции Америки; мама-профессор друга из Нью-Йорка со своим бойфрендом семидесяти лет, еврейским дедушкой из Челябинска, уехавшим двадцать пять лет назад с должности замначальника литейного цеха трубного завода. Особо привлекала одна пара – это был управляющий бизнесом моего друга, албанец из Косово с женой-израильтянкой, жившей до выезда из СССР в Белой Церкви под Киевом. Мама друга была в восторге от концерта, ей понравилось все – сын, его новая жена, Париж, дом и все вокруг, она была счастлива успехами сына, своим здоровьем и своим другом из Челябинска, несмотря на духовную пропасть между ними. С годами интеллектуальные разночтения супругов утихают, а сочувствие и добросердечие становятся главным. Поданная вовремя таблетка важнее, читал ли или не читал человек Марселя Пруста, которого мама переводила в России в семидесятые годы. Стол трещал от еды по русскому обычаю. Там было все вперемежку – селедка, устрицы, миноги, омары, капуста, русская водка «Русский стандарт», розовое шампанское «Кристалл» для юной жены и, конечно, вино, лучшее и дорогое. Вечер был теплым, сидели у бассейна на террасе, шутили, смеялись, говорили тосты по-русски в очередь, длин-

но, пронзительно, со слезой. Разговор был сумбурным. Первый звонок прозвучал, когда я вспомнил о певце Ф. Меркюри и процитировал из песни «Мы чемпионы». Жена управляющего из Белой Церкви громко, на весь стол, заявила, что Фредди не умер, что он не гей и она видела его восемь месяцев назад в Занзибаре, где он, уйдя на покой, счастливо живет со своей женой-малайзийкой и двумя прелестными детьми. Все удивились, но из вежливости промолчали. Я решил восстановить историческую справедливость и заявил, что разговаривал год назад с Брайеном Мэйем, гитаристом «Queen», и он сам рассказывал мне, как он провожал Фредди в последний путь. Мне ответили, что это был сговор и постановка. Вторая тема была еще острее. Девушка сказала, что украинцы – это не южные славяне, а выходцы из Ирака, то есть потомки персов, основной тезис – это усы запорожцев, а бледность кожи – это патогенная мутация от засилья москалей. Это съесть тоже было нельзя – за столом сидел чистокровный хохол, которому не понравилось данное исследование, и он разбил в пух и прах персидское происхождение его предков, но выдвинул более яркую версию, что украинцы вообще ни на кого не похожи, что они инопланетяне и он видел под Волынью остатки корабля, на котором, как на ковчеге, по Днепру приплыли первые украинцы. Я решил перевести тему в более спокойное русло, заметив, что албанец сидит бледный, машет своей жене, чтобы она перестала кошмарить стол своими изысканиями. Я предложил обсу-

дить свою теорию: чем мужчины отличаются от женщин, – и только открыл рот, как справа со скоростью спринтера полетело такое, что я онемел. Бывшая киевлянка, перебив меня, стала излагать теорию кратности отверстий. Конспективно это следующее: у мужчин два глаза, два уха, две ноздри и так далее. Я с ужасом подумал, как теория ее перейдет в нижнюю часть тела, так как разница в возрасте гостей и религиозные отличия могли привести к непредсказуемым последствиям, но науке все под силу. Описывая свое отверстие между ног, она назвала его нежно «нижней улыбкой», и я понял, что улыбаться она любит и, наверное, умеет. Муж ее, зная за ней это мастерство, умолял ее не рассказывать ее методы. Потом был рассказ, что у нее есть третий глаз, но показать здесь ей неудобно, мне было предложено, как авторитетному эксперту, отойти за угол, где я смогу в этом убедиться. Моя жена твердо сказала, что этому не бывать, и наступила мне на ногу острым каблуком, похоронив одним уколом мои желания. Ответный ход был стремительным – она сказала, что я гомофоб и латентный педераст. Дядя Гриша из Челябинска спросил у жены-профессора, что это такое. Ответа не получил, но не обиделся – его мучил более важный вопрос ко мне. Он услышал, что я недавно был в Челябинске, на его любимой родине, где он не был двадцать пять лет, и город и его завод снились ему каждую ночь в цветном изображении. Его насильно увезла дочь за светлым будущим в Америку, он не хотел, замначальника литейного цеха на хорошем счету, лю-

бимый своими рабочими. Америку он не любил, не понимал языка, не любил негров, латинов, китайцев. Они все вместе не любили его, но он об этом не знал. Жена умерла, дочка с внуком переехала в Канзас, он жил один в Квинсе, брошенный и никому не нужный. В синагоге он встретил на бармицве (праздник совершеннолетия мальчиков) у своих дальних родственников маму моего друга, они стали жить вместе, но он был грустен всегда и мечтал о своем литейном цехе, где он два раза висел на Доске почета и мечтал о должности начальника. Человек он был трезвый, понимал, что он еврей и беспартийный и его никогда не назначат, но мечтал. В перерыве застолья он робко спросил меня, как Челябинск, то да се, потом долго молчал, сглотнул нервно и спросил меня, а мог ли бы он после перестройки, когда отменили шестую статью Конституции о правящей роли КПСС, получить место начальника цеха. Вопрос меня убил. Прошло уже двадцать пять лет, он прожил другую, новую, жизнь, и тем не менее его жизнь осталась там, среди труб и башен пролетарского Челябинска. Я твердо сказал, что, конечно, да. Его голос задрожал, в глазах были слезы, он понял наконец, что у него украли жизнь и нет счастья с обеих сторон Тихого океана. Я хотел рассказать ему в утешение, что его сверстники с пенсией в 70\$ догнивают на койках районных больниц, что не только Париж, но и Свердловск они никогда не видели, а он, гладкий, ухоженный американский старик, объездивший весь мир, должен плакать от счастья, что не сгнил, но

эти слова ему были не нужны – он плакал, и лицо его было мертвым. Я вспомнил в этот момент своего папу, он тоже был заместителем, но он не мечтал быть директором, потому что знал: так не будет никогда. Он умер, не дождавшись перемен, и кто знает, что он сказал бы мне сегодня про новую жизнь. Застолье завершилось поздней ночью, все разошлись по гостевым комнатам, у бассейна остались я и муж-албанец звезды вечера. Мы с ним выпили, он долго извинялся за сужу, за ее речи и темперамент, сказал, что она только три года такая – после взрыва в супермаркете в Хайоре, где они жили в Израиле. «Посттравматический синдром», – сказал мусульманин-албанец и заплакал, не сдерживая себя.

Слезы, слезы – везде, каждый день. Когда это все кончится?

Таня и семь ее сыновей

Таня – девушка серьезная, фамилия обязывает: Лермонтова – ее фамилия по матери. Ничего шотландского в ней нет, но мимо нее не пройдешь, не промахнешься. Ей около сорока, сыну – двадцать, мужей было шесть, и все любимые, – она набирала их, как бусы, за двадцать лет, никто из них не забыт, и ничто не забыто. Есть люди, которые каждую половую связь оформляют нотариально – наш случай не тот. В юности Лермонтова была любима во дворе и школе за смех и спортивную подготовку. Семья ее была простая, жила она в Перове без излишеств и особого к себе внимания родителей. Все детство провела с ключом на шее: родители работали, а наша Таня была сама по себе: сама училась, сама ездила на спорт, к учителю по английскому. Учитель по английскому в седьмом классе научил ее целоваться по-французски, приласкал ее так, что к концу второй четверти Лермонтова потеряла свою пионерскую честь с легкостью и без слез. Она влюбилась в этого аспиранта-педофила с трепетом молодого сердца и до каникул два раза в неделю изучала английский, лежа на диване в объятиях новогиреевского Набокова. На удивление, английский давался неплохо: есть такая техника изучения – любовь с носителем языка. За летние каникулы любовь на расстоянии ушла в песок. Но простая талантливому сердцу Лермонтова не давала. На спортивных

сборах в Адлере тренер сборной Азербайджана по кличке Мохнатый Шмель нашел путь к сердцу и телу Лермонтовой под шелест струй в душевой на свежем воздухе. Лермонтова опровергла «кавказский цикл» однофамильца, отдалась сыну Кавказа с северной страстью. Целомудрие ее было удивительным. Если кто-то появлялся в ее сердце, то остановить ее было невозможно. Всю жизнь она любила мужчин сильно, с самопожертвованием настоящей женщины. После школы она легко поступила в мужской вуз, дружила со всеми, но любила старшекурсника, бабника и теннисиста, из семьи руководителя, который шел по жизни под парусом с попутным ветром. Он и стал ее первым мужем, инициатива была его. Родители жениха уезжали в Африку по контракту строить очередной объект в стране бананового социализма с нечеловеческим лицом. Родители его тоже не возражали – меньше будет болтаться, да и девочка их устраивала: скромная, семья порядочная, будут жить без пьянок и гульбы. Свадьба была пышная, в зеркальном зале «Праги». Поели, попили, и Лермонтова из двушки в Перово впорхнула в апартаменты высотки на площади Восстания на тридцатом этаже с видом на всю Москву. Если взять бинокль в кабинете свекра, то можно было увидеть родное Перово, где остались мама с папой, любимые и родные. Скучать не приходилось, убирать этот стадион было непростом. Домработница, всю жизнь пахавшая в этой квартире, заболела артритом, новую не взяли – пусть молодая жена начинает жизнь как положено. Как

было положено, Лермонтова не знала, ее папа всегда помогал по дому, носил сумки, пылесосил под песни В. Высоцкого. Песня «Привередливые кони» давала ему такой прилив энергии, что он успевал за время звучания этого хита вымыть пол в двушке на одном дыхании. Таня не была белоручкой, но пахать даже на любимого, как Золушка, было как-то не в жилу. Мальчик ее любимый бросал трусы и носки где попало, требовал чистых рубашек каждый день и заставлял ее чистить до блеска его многочисленную обувь. Он привык, что за ним ухаживают с детства няня, мама, домработница, и он хотел, чтобы так было всегда. В непосредственной близости мальчик оказался весьма капризным: ковыряя утром омлет, приготовленный ею, он морщился: не так прожарен, батон несвеж, масло не вологодское, – ну, в общем, барчук и самодовольный павлин. Он относился к ней немножко свысока – элита, е. т.м.

Терпение Лермонтовой лопнуло окончательно однажды в субботу. Он приехал с корта в субботу потный, в ботинках прошел к холодильнику выпить свой сок, купленный на чеки в «Березке», получаемые от родителей, заработанные в загорелой дочерна чужой стране. Неловко взяв бутылку, он уронил ее на пол, бутылка разбилась, он резко вышел и раздраженно бросил через плечо Лермонтовой: «Убери!» Лермонтова, которая минуту назад отпидарасила кафель в кухне, зашла в спальню, собрала свои трусы и лифчики, бросила в сумку фату, платье не взяла, так как оно было залито

вином еще в день свадьбы и напоминало одежду человека, потерявшего много крови при ДТП. Он не заметил ее ухода, заснул, уставший после шести геймов с актрисой театра, внучкой народного, новой своей пассией.

Приехав к себе в Перово, она поплакала, родители не трогали ее, поужинали славно. Дома было тихо, уютно, и Лермонтова поняла, что первый брак закончился малой кровью. Пять месяцев свирепой домашней работы, и все. Теннисист ушел в память на первую полку. Они виделись в институте редко, его курс ушел на диплом. Делить имущество Лермонтова не стала и на развод не подавала – не было нужды. Ей нравилось дома, в привычном укладе их семьи была теплота и душевность. Все делали всё, незаметно она перестала вспоминать площадь Восстания и поняла, что жить по такому разрушительному адресу нельзя.

На горизонте появился мальчик, аспирант-проктолог, сын членкора АН СССР, живший в поселке Моженки, старом академическом гнезде, – подарок Сталина советским ученым. Большие участки, спецпак, рай по талонам. Проктолог был крупным, высоким, отбрасывал челку изящной рукой с тонкими красивыми пальцами в маникюре, что для тех лет было редкостью даже у гомиков. Сейчас каждый второй мужчина делает маникюр и многое другое, что вызывает большой вопрос: это дань гигиене или феминизация мужчин? Мальчик был нежный, тонкий, смотрел фильмы Фасбиндера и читал книги типа «Игра в бисер». Он смотрел на

Таню, как на Марлен Дитрих, и ласкал ее долго и бережно, с немецкой деловитостью и пониманием, что женщина должна быть удовлетворена всегда, — это долг мужчины, так учила его мама, бывшая балерина, выпускница Вагановского училища. Она любила сына с неукротимой жадой и оберегала его от посягательств хабалок. В восемнадцать лет она устроила ему на даче неожиданную встречу с женщиной из поликлиники, которая за вьетнамский ковер из сотой секции ГУМа бережно и нежно трахнула свет ее очей для полноценной жизни без психотравм и венерических заболеваний. Сын мать боготворил, и в дальнейшем это помешало жить без нее с другими женщинами. Он всегда искал себе нечто подобное, но копии были ничтожны перед священным сиянием оригинала. Занимаясь наукой, он подавал большие надежды. План жизни его был предначертан на небесах, и отклонить его от заданного маршрута могла только катастрофа. Из простых людей не своего круга он знал только няню и домработницу и смутно себе представлял, что находится за забором академического поселка.

Катастрофа пришла вместе с Лермонтовой, которая в «Ленинке» вильнула хвостом перед вальяжным красавцем. Он запал, стал ходить за ней хвостиком, даже провожал два раза в Перово на метро. Когда мама узнала об этом, с ней случился удар, и Лермонтова была приглашена на обед для сверки курса и допроса. Ее привез на дачу их шофер на черной «Волге», суровый дядька с дубленным и брезгливым ли-

цом. Адрес девушки его оскорбил до глубины души, он не ездил в такие районы – не по чину ему было шоссе Энтузиастов. Лермонтова оделась скромненько, волосы причесала в пучок, сиськи подобрала в новый лифчик, ну, в общем, целка македонская, а не Таня Лермонтова. Особенно не волнуясь, она предстала перед светлыми очами отставной балерины и папы-членкора, который жил под пятой этой чудо-женщины уже сорок лет и не чувствовал никакого давления, наоборот, гордился и уважал безмерно. Внешний вид был осторожно одобрен, вопросы о семье, кто чем болеет, есть ли в роду ненормальные и сифилитики. Допрос был настолько искусно проведен, что Лермонтова ни разу не почувствовала себя оскорбленной, наоборот, восхитилась мастерством мамы – демона в юбке. Аспирант ерзал на стуле, пышная челка прилипла от пота. Он глядел на это шоу и не вмешивался, зная, что все это для его же блага. Папа вопросы не задавал, но отметил, что девочка ничего, – он был сластолюбив, и множество аспиранток полегло на его диване в институте, где он руководил отечественной наукой. Мама-демон знала о его проказах, но не трогала. Сын – вот что занимало ее. Потом был обед, после обеда – чай, ягоды и немножко мятного ликера. Лермонтова ликер пила первый раз, он ей не понравился, напомнил лекарство пектусин, который она с отвращением пила в детстве. Так она второй раз вышла замуж и не ошиблась.

Рай начался в день переезда в Моженки поздним вечером.

Аспирант ласкал ее при свете зеленой лампы, когда без стука вошла маман со стаканом чаю с малиной для любимого сыночка. Она заметила орлиным глазом, что он чуть не чихнул. Не смутившись, она попробовала лоб своего ангела, заставила его выпить чай при ней. Лермонтова, забившись под одеяло, тихо сходила с ума от этой нежности. Даже в Перове, у соседа Кольки, пьяницы и дебошира, хватало ума без стука не входить в комнату дочери, десять лет бывшей замужем. Сын с обожанием смотрел на маму, она поцеловала своего ангела, выключила свет и сказала тоном, не требующим возражения, что надо спать и что у него завтра доклад на кафедре. Мальчик смирно повернулся на бок и запыхтел через минуту. Лермонтова из духа противоречия потерлась о сокровище, цепко дернула его за член – никакого эффекта. Сын выполнил волю матери, любовь к матери и Родине выше секса. Три месяца спустя мама с сыном воссоединились, а Лермонтова поехала на Кавказ в Пятигорск пить воду и лечить свою хандру.

Санаторий, в который приехала Лермонтова, относился когда-то к ФСБ, потом его передали местной власти, они сделали в нем ремонт по-русски, стеклопакеты и все такое. Это было добротное здание с огромным парком с клумбами одуряющих цветов, с источниками минеральной воды, бьющими из пастей разных животных, особенно Лермонтовой нравился источник «Писающая собачка». Вода там была та же, но заряд бодрости от «собачки» был больше. Три дня она

восхищалась природой, воздухом и водой, но потом стала хандрить без любви. Любовь была ее перманентным состоянием, прилепиться к кому-то и жертвовать себя всю было долгом ее жизни. Прилепиться в санатории было к кому. Вокруг шныряли коммерсанты, воры и сотрудники правоохранительной системы. Все искали на свою жопу приключений. Днем все чинно принимали процедуры, соблюдали диету, жемчужные и родоновые ванны, ходили к источникам. Но вечером весь санаторий превращался в вертеп, люди зажигали в трех ресторанах и дальних кустах так, что треск шел аж до самого Пятигорска. Лермонтова ходила по местам пребывания однофамильца и с восторгом читала себе под нос стихи Михаила Юрьевича, в который раз проклиная Мартынова, убившего ее родственника. Вот в такой дивный день у горы Машу в кафе под кромным названием «У Миши» она пила красное вино с дыней, свежайшей, как трехлетний карапуз. Воздух был прозрачен и чист, мужчина напротив, кавказской наружности, бил копытами и облизывал губы; кадык его нервно ходил туда-сюда. Он не подходил к ней, изучал откровенно и грубо – лев готовился к прыжку. Лермонтова не боялась этого льва, наоборот, поощряла его своим призывным взглядом, качество и смысл которого не вызывали сомнений. Смысл был таков: иди возьми меня, черт тебя побери... Лев встал и, покачиваясь на гибких грациозных ногах, похожий чем-то на жеребца-ахалтекинца, подошел и представился Тенгизом, отдыхающим от смертной тоски в

Германии, где он работал в торгпредстве по связям с капиталистами. Лермонтова оцепила его стайл, и он получил за подход пятерку. Он сразу перешел на «ты», рассказал о себе: сорок лет, МГИМО, работа в Германии, развелся месяц назад, готов к перемене участи. Лермонтова знала нескольких мужчин в этом периоде: легкая добыча при грамотном маркетинге. Гусей надо бить на перелете – так называется эта схема овладения мужчиной. Брать его надо тепленьким, пока он еще от рук не отбил. Тенгиз упал в руки Лермонтовой, как спелая слива. Они вернулись в Москву, славно зажили в его доме на Остоженке. Кругом шумела Москва, окна выходили на храм Христа Спасителя. Лермонтова жила с Тенгизом барыней, в доме заправляла его тетка, бездетная, всю жизнь живущая рядом с ним, как нянька. Тенгиз работал мало, основным видом его деятельности было подведение нужных людей к очень нужным для решения вопросов с обеих сторон Кремлевской стены. Получал он за это неплохо, на службу не ходил.

Все закончилось в один день. Он взял деньги за контакт с министром, дело не сделал, деньги отдавать не стал, люди его предупреждали, он не понял, и его убили вечером во дворе их дома на глазах Лермонтовой люди в черном. Лермонтова впервые овдовела, ходила в черном, строго держала обряд вдовы. Брак был незарегистрирован, бывшая жена Тенгиза выгнала ее из квартиры... и опять Перово, где уже осталась только бабушка. Родители наконец-то получили долгождан-

ное жилье в Жулебине.

В гастрономе, недалеко от дома, Лермонтова встретила странного мужика – немолодого, несвежего, волосатого и очень потрепанного. Он покупал кефир и, заметив Лермонтову, предложил нарисовать ее портрет для выставки в Нью-Йорке, куда он собирался ехать через месяц. Лермонтова не удивилась этому предложению, это с ней и раньше бывало. В молодости ей часто это предлагали, но она не ходила – боялась художников, считая их ненормальными. Что-то помешало ей отказать этому дядьке, и она пошла с ним, как под гипнозом. Пришли в мастерскую в подвале старого дома – он был нежилой, аварийный. Когда-то там был сквот, там жила группа художественно отягощенных молодых людей, которые, самовольно заявившись, устроили притон для маргинальных персонажей, курили траву, пили, устраивали хэппенинги или просто трахались вместе и по отдельности. Имен у них не было, только клички: Махно, Собака, тетя Маня. К ним приходили корреспонденты западных изданий и газет, которые писали о них всякую ересь, считая, что здесь рождается новое русское искусство, но, увы, ни одного Уорхолла или Магрита там не получилось. Художник остался в доме с тех времен, сделал себе имя портретами мужчин и женщин с кошачьими головами – не бог весть какая идея, но он хорошо владел пиаром и запутал много людей этими картинками, намекая, что он наследник С. Дали, и даже сочинил историю, как они встречались и Дали дал ему авторский

перстень как наследнику его художественного метода. Перстень был всегда при нем – огромный черный камень в белой оправе. Лермонтова этого не знала, но вспомнила, что видела в светской хронике этого чудака, который вещал о Дали и своих кошачьих мордах. Рисовал он ее долго, по квадратам на холсте с помощью проектора, тщательно прописывая все детали, потом распечатал на компьютере кошачью рожу и приставил к телу Лермонтовой – вышло хорошо. Название полотна – «Перевоплощение Лермонтовой из драной кошки в сладкую киску» – восхитило Лермонтову.

За дни, проведенные в подвале, Лермонтова отвлеклась от черных дум, привыкла к этому мазилю и даже прилегла с ним на кушетку, где он отдыхал после творческих оргазмов, – физиологические ему удавались хуже, а лучше сказать, не удавались и вовсе. Лермонтова, любившая это дело, слегка расстроилась, но педалировать эту тему не стала, считала, что со временем научит этого Дали любить. Лермонтова поняла, что с ней происходит невероятное: все прежние мужики были красавцами и жеребцами, этот же был зеркально другим. Маленький, некрасивый, полуимпотент, злобный, помыкает ею. Лермонтова мудро посчитала, что у нее прорезается новая страсть к садомазохизму. Девушка она была широких взглядов, не испугалась своих новых желаний и стала служить художнику музой, подстилкой и домработницей. Подошло время лететь в Америку на выставку. Работы отправили, сами прилетели позже. Выставка должна была про-

ходить в галерею бывшего русского фарцовщика, который в Америке заделался галеристом и специалистом по русскому авангарду. Фима – так звали куратора выставки – поселил их в подвал своего дома, в комнату прислуги, где были маленький диванчик, душ и клозет; из излишеств был телевизор «Шилялис», вывезенный Фимой с исторической родины в 1976 году. На Пятой авеню, как ожидалось, арендовать зал не удалось, поэтому работы повесили в культурном центре при синагоге, что не понравилось художнику. Он не любил этот народ, хотел американского признания. Признание пришло в виде девяти еврейских старух, пришедших на презентацию выставки как художественная интеллигенция Нью-Йорка, была пресса в лице корреспондента газеты «Новое русское слово». Фима дал ему просроченный чек на 200\$ и пообещал еще 50\$ по выходе публикации. Муза приготовила фуршет, канапе с икрой, привезенной из Москвы, и водку «Столичная» в крохотных рюмочках. Фима нервничал, ждал критиков из «Нью-Йорк таймс» и Си-эн-эн, но, увы, они не пришли, видимо, Фима все это придумал для художника, а сделать не смог, да и не собирался. Начали презентацию под вспышки телефонов с камерой, которые были у бабушек. Фима сказал спич, что сегодня историческое событие, все присутствуют при рождении мегазвезды, художник с остервенением кланялся, Таня разносила напитки, бабушки охали, ничего не понимая, записывали названия и шептались «бьютифул» из приличия. Евреи не очень любят кошек, а

здесь были кошачьи хари, но приличия нужно было соблюдать. Через полчаса все кончилось, они вернулись в подвал. Художник все понял о себе, напился и отпиздил Лермонтову сильно. Она лежала на полу, рядом с диванчиком, где ей не было места, плакала и жалела своего гения, гладила его, он не унимался, все орал, что жида украли у него жизнь, и в финале перед сном еще раз дал Лермонтовой в рожу за всю еврейскую нечисть в ее лице. Ей было больно и обидно: «Почему женщину русскую надо пиздить за происки жидовские?»

Фима утром забежал к ним, дал триста долларов и сказал, что это все, надо уезжать в Россию и работать над новым циклом – кошки уже не канают, надо работать с собаками. Через день они съехали к Таниной подруге в Квинс, где прожили восемь месяцев на шее порядочной подруги в творческих судорогах художника, который или лежал на диване, или пил на Брайтоне с мужиками без художественных наклонностей. Они жалели его, слушали бред о Москве и давали доллар на метро. Лермонтова стала отчетливо осознавать, что ничем помочь не может, и засобиравшись домой на Родину, помня, что и эта глава ее жизни завершилась на печальной ноте. Прилетев в Москву, она обрадовалась, залегла в Перове на неделю в постель и стала думать, что делать дальше. Сделала сто звонков всем знакомым, сообщила, что жива, и один звонок оказался результативным.

Знакомая подруга, работавшая на радиостанции для геев

и лесбиянок, предложила ей в ночном эфире говорить с ними об их проблемах и ставить музыку определенной ориентации. Попробовала несколько раз, ее взяли. Ей удавалась интонация сочувствия, и она стала популярной, ей писали письма, электронный адрес ее сайта трещал от фото и предложений руки, ног и других членов. В коридоре студии она увидела молодого человека с футляром. Она остановила его и завела с ним разговор: кто он, что играет? Мальчик был пухлым, хлопал ресницами и не понимал, чего хочет эта тетка. Тетка Лермонтова быстро уложила саксофониста в свою постель, и у нее одновременно образовался и муж, и сын. Он был нежным и бесконечно глупым юношей, весь свой ум он выдувал в саксофон, а остальное время смотрел DVD и курил на балконе. Лермонтова звонила ему каждый час, беспокоилась, как он там без нее, была ему и мамой, и папой, что для него, сироты, было нелишним. Мальчик был неконфликтный, без друзей и вредных привычек, дул в свою дудку. Таня пыталась его куда-нибудь воткнуть, но, увы, он был не Бутман; тогда она устроила его продавцом в ночной ларек, где он продавал пиво и жвачку. Днем он спал, вечером дул в саксофон и гладил свою маму-жену с нерастраченной нежностью сироты. Лермонтова купалась в его любви, как старая блядь на пенсии с молодым жеребцом. На душе было легко и светло, ее малыш толстел от обильной еды и внимания мамы Тани, записал альбом для саксофона с табуреткой – это был Танин креатив. Прокрутила несколько раз в эфире для

геев его композиции, он получил работу в гей-клубе «Сладкая жизнь» и стал артистом, о чем и не мечтал. Беда пришла внезапно в виде чиновника префектуры, который отвечал за строительство в округе. Он был небедным дядей, семья жила в Германии без права переписки и возвращения на Родину. Чиновник в гей-клубе был в авторитете, его боялись, и он имел всех во все места. Глаз его упал на саксофониста, он стал его обхаживать, запутал и растлил душу несмышленишу. Мама у него уже была, он хотел папу и получил его. Папа забрал его к себе на дачу в Серебряный бор, где среди елок и берез он зажил как принц.

Малыш Тане не звонил, это было запрещено. Таня смирилась с этим, чиновник объяснил ей, что ему нужнее, и дал ей десятку на новую машину.

Все это мне рассказала она за одну ночь после двухлетнего необщения. Сильная, неутомимая, она до сих пор крутится как белка, работает как лошадь, не печалится, верит в себя и свою судьбу, ждет своего мужчину, не забывая всех тех, кто был с ней. Она любит их всех, как своих сыновей, общается с ними время от времени. Может быть, на взгляд других, ее жизнь путанна и несчастна, но это не так. Ее счастье в них; она растворяется в мужчинах без остатка, без второго плана, падает в них, как в омут, и корабль ее все плывет и плывет!!!

Восьмое чудо света

Мой приятель позвонил мне в далеком 92-м году и сказал, что к ним в агентство обратилось внешнеторговое объединение, строившее что-то за границей, на предмет демонстрации их достижений в Египте на международной выставке в Каире. Он спросил, смогу ли это сделать. Я к тому времени четко знал, что надо говорить всегда «да», а потом уже делать то, что ты не умеешь. Я пришел на встречу в их министерство, где в комнате переговоров уже сидели конкуренты, там всем заведовала яркая блондинка средних лет с яркими губами и ногами, напоминавшими бутылки, стоявшие друг на друге. Она была всего лишь секретаршей главка, но я сразу понял, что она любовница руководителя и держит его за горло и причинное место. Конкурент № 1 был художник-постановщик с амбициями Мельникова – звезды Парижской выставки 1937 года. Этот соискатель хотел построить павильон с размахом и удивить мир. Но тут был другой случай, он уже тогда удивил меня, подготовив эскиз с учетом розы ветров и сметой в миллион долларов. Второй конкурент был режиссер-постановщик комедийного кино, тоже планирующий снять блокбастер с голливудским размахом, эдакий римейк «Броненосца Потемкина», о судостроении в период гласности. Оценив экспозицию, я понял, что они не учитывают главного – секретарша хотела погулять со своим мужчи-

ком на государственные деньги, и не более. Я понял это первым из конкурсантов и выиграл тендер без борьбы и эскизов. Сразу мной было принято решение не везти на выставку настоящие корабли и «КамАЗы», а взять модельки из игрушечного магазина. Стенд из двух тысяч метров сразу сократился в сто раз, я разделил его на две части, офис с кондиционером, баром и диваном – 80%, а стенд с модельками – 20%. Эскиз на одной страничке был выполнен соседским мальчиком за сто рублей, а папиросную бумажку, покрывавшую страницу, я наклеил сам, вложив все это в папку, это я умел делать со времен дембельского альбома. Возник вопрос оплаты моего труда на этом проекте. В долларах тогда никто не платил, но тут зарубежный проект, я назвал цифру 400\$, но, увидев непонимающие глаза заказчика с подругой, сказал «в день», что вызвало одобрение в их глазах. Я понял, что попал в цель, и похвалил себя за проницательность. Дней было десять, монтаж, демонтаж, добавив к этому первый класс и полулюкс, я понял, что главное я уже сделал. Модельки достижений отечественной инженерной мысли были куплены, к ним добавили каминные щипцы и гидрокостюмы из латекса для дайвинга в Красном море, которые производили как ширпотреб на фабрике презервативов в подмосковной Баковке. Был еще детский надувной городок развлечений в стиле пирамид, его планировалось разложить на улице, очень беспокоило наличие компрессора в Египте, но партнеры подтвердили, что он есть и мы сможем надуть

весь Египет. Пришло время лететь в колыбель цивилизации, где фараон держал мой народ в плену много лет. Каир встретил духотой и автобусом «РАФ» (рижского завода, без кондиционера, которого в нем сроду не было). Торгпред, милый молодой человек, встретил меня с почетом как руководителя российского стенда и повез в город, рассказывая историю Древнего мира за пятый класс про пирамиды и рабовладельческий строй. Гостиница, где проживали русские специалисты, приезжавшие строить в Египте объекты, была маленькой, но чистой и с кондиционером только в люксах, я был счастлив, что проявил твердость. Посольство находилось в старинном дворце среди древнего парка с павлинами и мозаичными полами времен Клеопатры и Марка Антония. Среди этого великолепия ходили пыльные тетki в длинных юбках и пиджаках, с лицами постными, понимавшими, что после возвращения в Союз их ничего хорошего не ждет и их комнаты, забитые бытовой техникой и барахлом, купленным на базаре, уже никому не нужны, как и они сами, потерявшие статус небожителей для всех, кто не мог ездить за рубеж. Мужчины были повеселее, они пили каждый день местное пойло, называемое виски и джином. Делать мне было нечего, экспонаты стояли на таможне, гулять по Каиру по жаре в 35 градусов было не очень весело, толпы феллахов, спящих на улице и вымогающих бакшиш, – зрелище не для слабонервных. Стенд был смонтирован быстро, я скотчем приклеил надписи, сделанные в Москве, расставил машинки и

модельки в витрины, зарядил в офисе весь холодильник и склад купленными в дьюти-фри виски, водкой и джином и стал ждать приезда делегации во главе со сладкой парочкой любовников – расхитителей государственных средств. Время я коротал с сотрудниками торгпредства, которые слушали о переменах в стране, где они долго не были, и пили водку, привезенную мной для решения вопросов с местными властями. Днем я ходил в соседний «Хилтон», где в бассейн пускали только своих гостей, но друзья из торгпредства подарили мне переходящее полотенце с буквами отеля, что позволяло уже не одному поколению советских специалистов экономить деньги, а к слову сказать, бассейн стоил 20\$, что для российского спеца было ой как немало. Как-то вечером ребята из торгпредства рассказали мне, что секс в Каире есть, не такой, как во времена английского владычества, но тем не менее – только надо места знать. До пирамид было далеко, и я решил, что надо начать с того, что ближе лежит. После двух литров «Столичной» меня и двух дядек с Урала повезли в клуб, где должны были быть представлены местные Клеопатры. Совершенно пьяные, на разбитой посольской «Тойоте», мы полетели на встречу, предвкушая «Египетские ночи». В кромешной тьме нас привели в какой-то парк, где мерцали лампы на столах какого-то летнего кафе столиков на десять, где сидели мужчины и пили пиво одного сорта, качеством «Жигулевского» в период развитого социализма, – видимо, запрет на употребление был не за горами, а каче-

ством хотели убить в людях пагубную страсть. Клеопатра появилась вскоре и предстала перед нами во всей красе, краса ее была неземной, таких я видел только на вокзале в Перми в 72-м году – испитые, с синяками, подобия женщин, наш сталкер говорил, что им по двадцать лет, но на вид им можно было дать шестьдесят, – она протянула свою сморщенную корявую ладонь, и я понял, что это у них называется прелюдией. Она принесла всем египетского «Жигулевского», которое я пить не стал из боязни заболеть проказой и сорвать открытие стенда наших достижений. Мужики с Урала были решительнее и хотели продолжения. Оказывается, первый сеанс она уже отработала, а вот завтра, если так будет угодно высшим силам, может быть, она сможет, но шансов немного, даже очень мало, но они есть. Я понял, что нас разводят еще на один вечер с пивом, понял, что с секс-туризмом надо кончать. Наш гид получил свою комиссию с очередной партии дураков-соотечественников, и мы поехали спать, обманутые, как всегда, советской властью. Была одна проблема, вставшая в связи с отсутствием компрессора для надувания нашего Диснейленда. Конечно, никакого компрессора не было, мне предложили сто босоногих крестьян, готовых надувать нашего колосса своими легкими. Я понял сразу, что это тянет на диверсию и осложнение советско-египетских отношений. Место нам было отведено очень центровое, между «Бош» и «Вольво», они привезли оборудование для работы в карьерах, многотонные машины, но мы не должны были

ударить в грязь лицом. Эту грязь я решил засыпать жемчужным песком с берегов Нила, но подрядчик привез щебень из развалин соседнего дома, и сотня босоногих руками разровняла его за три часа, так мне открылась тайна египетских пирамид, построенных руками их предков без механизмов и инструментов. В павильоне «Вольво» я нашел компрессор, с помощью которого красили стенд, я договорился, что арендую его на время, и мое полчище рабочих понесло резиновые части в их павильон, так как компрессор они отдавать на наш стенд не хотели, не верили в социализм с моим лицом. Помочь хотели, но под присмотром за Большим Братом. Мы надули свой Диснейленд, и мои солдаты понесли это чудо дизайна через весь двор уличной экспозиции. Весь мир аплодировал нам, когда мы двигались живописной колонной с батутами в руках, по дороге чуть было не снеся пару стендов, но, слава богу, обошлось. Зато порадовали мировое сообщество незапланированным карнавалом. Днем открылась выставка, на нашем стенде из-за огромного запаса алкоголя была масса гостей, в «Новостях» показали наш стенд, где искусным монтажом мои модельки выглядели лучше настоящих кораблей, на Диснейленд руководство не пошло из-за жары. Я прожег костюм послу, получил конверт с деньгами и понял, что моя миссия закончена, нужно лететь домой, но с этим было непросто. По наводке друга из посольства я поехал в представительство «Аэрофлота» в Каире, где наш представитель без тени сомнения поставил мне в билет

«О'кей», и я стал собираться на Родину. Он был милый человек, жил, как белый сахиб, на вилле, имел гарем из бортпроводниц и ни о чем не беспокоился. Я приехал в аэропорт, попрощавшись со всеми, но, увы, не улетел: самолет, как автобус, собирающий весь Ближний Восток, сломался в Найроби. Людей, у которых стояло «О'кей» в билете, было на три рейса. Представитель меня не узнал, он отправил своих из Министерства гражданской авиации и поехал к себе на виллу в объятия новой смены бортпроводниц, прилетевших из Омана. Я вернулся в отель, меня встретили с радостью и энтузиазмом, напоили. Я позвонил жене, доложил, она стыдила меня, что я не видел пирамид, я обещал ей, что завтра съезжу и посмотрю это чудо. Рано утром, как всегда, голос муэдзина разбудил меня в четыре утра, солнце слепило, как в полдень, и я решил ехать. Машины с кондиционером не оказалось, и я поехал на чем-то времен последнего фараона года пятидесятого. Водитель английского не знал, я тоже, мы поехали, не зная дороги, каждый поворот вызывал у меня вопрос, а туда ли мы, но чудо свершилось, и мы доехали до сфинкса. Машину я не отпустил, понимая, что обратно, возможно, придется ехать на верблюде, так как желающих взять мой кар было много. Внутрь пирамиды я не пошел из-за врожденной клаустрофобии, но зайти в магазин сувениров согласился, потому что получил гарантию пива и кондиционера, чтобы перевести дух. Тут меня ждало новое испытание: я не хотел ничего – ни папируса с моим именем, ни

духов, ни лекции на арабском об истории их производства, — ничего, но вход — фунт, а выход — два, мне впарили и духи из масла, и галабею (рубашку до пола), отбиться было нереально, продавцов лучше их я знал только цыганок, которые продавали тушь и тени из цемента, подкрашенного акварельными красками, у трех вокзалов. Три дня я вылетал из Каира, посольский водитель привык ко мне, как к сыну, и говорил, что не надо торопиться, у нас хорошо, вот хамсин (чудный ветер с песком), а потом будет рай. Я не хотел в рай, а хотел в свой ад, к жене, березкам и к холодной водке. Видимо, незря мы бежали из Египта.

Контрольный с клофелином

Мой товарищ рассказал мне свою историю на берегу моря, в ресторане, где, кроме нас, сидели двести менеджеров по продаже химических удобрений со всего мира. Любимое развлечение кадровых структур после окончания туристического сезона – собирать свои стада в пятизвездных отелях и поднимать корпоративный дух. Они сидели тихо, ели и пили организованно, хлопали в ладоши при выступлениях боссов и облизывали губы, предвкушая немудреный секс с коллегами. Один маленький японец после трех даблов «Джонни Уокера» на террасе зажимал белокурую шведку, ростом в два раза превосходящую сына острова Хонсю. Он шутил, она смеялась, он представил себе, как у них будет, и вспомнил анекдот, когда ежик ползает по слонихе и кричит: «Неужели это все мое?» Мой товарищ, респектабельный бизнесмен с пестрой биографией и безупречными манерами, сумевший к своим сорока пяти годам проработать во многих странах и сколотивший своим горбом неплохие деньги, не потеряв при этом живости ума при полном отсутствии русских понтов, рассказал мне, как случай спас ему жизнь, иллюстрируя притчу, что меньшее зло спасает от большего. Жил он тогда на территории бывшей советской республики, где успешно изымал из недр ископаемые и богател вместо национальных кадров. Это не очень понравилось одному из местных фаво-

ритов тамошнего царя. Без всякого предупреждения и «стрелок» он заказал моего друга сразу двум командам, и все было готово для приведения приговора в исполнение. Назначено все это было в местном стрип-клубе, где мой друг любил после тяжелой недели напоить всех и одарить всех девушек зелеными деньгами. Его любили все в этом клубе, как султана Брунея, – его маленькие шалости раз в неделю кормили как минимум сто семей от Львова до Иркутска. Одна бабушка девушки из Элисты молилась на него, как на живого бога: внучка посылала ей в месяц 10\$, которые не давали ей умереть уже два года. В ту пятницу все было как всегда: мой друг захлопнул ноутбук, переоделся в новый костюм, отправил офис на уик-энд и поехал в свою «1001 ночь» в объятия своих азиатских цариц. Его встретил золотозубый кругломордый хозяин, пятясь толстой жопой в свои чертоги, и привел его в загон, украшенный звездами, вышитыми на диванах, с сомнительным количеством углов. Часть звезд были шестиконечными, и это всегда занимало моего товарища, он никак не мог понять эстетическую платформу этого дизайнера в мусульманской стране. Он однажды спросил хозяина, что это значит; хозяин, знавший о его семитских корнях, закатывал глаза и давал понять моему другу, что это значит для него многое. Что он имел в виду, друг не понял, но тайна звезд между тем была, и только потом, после финала этой истории, он понял магический смысл этих знаков. Выпив сразу два больших стакана виски, он увидел двух новеньких, это

были хохлушки из Полтавы, смешливые и вполне съедобные. Особенно вкусной была одна, маленькая, с бемолями третьего размера, аккуратненькая, одетая не с местного китайского рынка, а чуть лучше: на ней были вещи пятилетней коллекции «Шанель» и «Эскады». Она трещала без умолку, что она проездом, едет танцевать в Японию в клуб по контракту, здесь она отдыхает, но мой друг, назвав свою цену, сразу перевел ее в рабочее состояние, она с легкостью закончила свой выходной и начала работать своим ртом со скоростью устной речи.

В это время с двух сторон уже расставили стрелков, мастеров по стрельбе в глаз белки и валивших тигра с одного выстрела. Таких мастеров в то время был переизбыток, бизнесменов было меньше, чем тигров, поэтому их валили вместо них, так как Красную книгу для коммерсантов еще не написали, а зверей надо беречь, увеличивать их популяцию в дикой азиатской природе. Мой товарищ тогда еще не знал об изменении своей популяции и пил свое пятничное виски с беспечной хохлушкой из Полтавы. Пожелав продолжения банкета, он повел ее в рабочие помещения клуба, где пожелал овладеть ею в полном объеме. В какой-то кладовке, где висели вяленые конские туши, он расположился с девушкой, бутылкой виски и двумя стаканами. Конина вяленая возбуждала его круче кокаина, видимо, в каком-то своем перевоплощении он был конем в степях Центральной Азии. Он пошел к двери, чтобы запереть ее от греха поближе. Он вер-

нулся к девушке, взял стакан в руку, выпил его и потерял сознание. Проснулся он через несколько часов, ничего не понимая, с головой, которая трещала, как шаманский бубен. Он вышел из подсобки, прошел весь клуб, кругом не было ни души, вышел на улицу. Охраны, машины, бумажника, часов «Вишерон Константин» и зажигалки «Дюпон» тоже не было, не было никого и ничего, он понял, что произошло нечто, объяснения которому нет. Доехав на такси до своего коттеджа на территории Дома приемов местного царя, он вошел к себе в дом, где его встретил помощник с глазами, в которых был страх вселенский. Он начал мычать, что приезжали уже все бандиты, пять раз спрашивали, где хозяин, он не знал, что и думать. Охрана уехала уже утром, из клуба все ушли, они предполагали, что он тихо свалил с телками в отель, как иногда бывало. Восстановив события, он понял, что клофелин из рук девушки из Полтавы спас его от пуль горных стрелков двух бригад, которым его заказали. Как настоящий бизнесмен, он подсчитал дебет с кредитом. В минусе бумажник, три тысячи у. е. – он без пятерки не выходил, – часы и по мелочи, итого четыре тысячи у. е., в плюсе – живой, с трещавшей башкой. Звезды Давида в интерьере клуба и щедрая рука, насыпавшая клофелин, поломали планы его врага, который спустя много лет рассказал моему другу, как он это спланировал, где стояли стрелки и сколько ему это стоило. Он к этому времени стал очень большим человеком, с моим другом они уже помирились. Девушку, спасшую его,

он больше никогда не видел, а так хотелось отблагодарить эту милую дрянь за чудесное спасение.

Химия и жизнь

Один мужчина жил себе и жил и не знал, что ожидает его сегодня вечером в маленьком баре возле офиса, где он тянул лямку на хозяина, наглого и самодовольного молодого человека, который захапал старый, обшарпанный НИИ, в котором, кроме двенадцати этажей, ничего хорошего не было. Мужчина, которого ждет пятничная история, работал у этого хлыща с отвращением, но уйти не мог – жена и дети хотели есть, а это он видел своей святой обязанностью. Дома у него все вроде было хорошо, его ценили за то, что он приносит деньги, а других достоинств у него и смолodu не было. Он был немолод, нечестолюбив, не следил за своей внешностью, весом и обувью, был сер, сед и без харизмы – сейчас модно, чтобы была харизма. Что это, он не знал, думал, что это большой член, а он у него был маленький. Он никогда не смотрел женщинам вслед, боялся, что ответный взгляд пронзит его рентгеном и прелестница сразу увидит его серые разношенные трусы, вялые мышцы и его харизму, он сразу сжимался, прятал глаза и бочком двигался к себе домой в раковину, где ему было спокойно, тихо и никто не измерял его презрительным взглядом, сразу определяя его зарплату и жилищные условия. Он знал, что ему нечего было предложить другим людям, в тендерах и аукционах не участвовал, даже не заявлял себя, заранее зная результат. Единственное, что он

позволял себе, – в пятницу, после ненавистной работы, зайти в бар и выпить немного водки у стойки. Он ни с кем не дружил, не любил болтать в компании, ему хватало себя, и он был доволен своим обществом, своей пятничной водкой, и этот час в конце недели был единственным бонусом в его простой и незамысловатой жизни. Эта пятница была такой же, как и прошлая, он пришел в бар, заказал свою водку и, не оглядываясь по сторонам, выпил две порции, закурил, и ему стало тепло и хорошо, он ждал, когда хмель придет в голову и некоторое время ему будет хорошо, туман в голове отвлечет от тягот недели и можно будет улететь на время куда-то, где ему хорошо. Многие хотят улететь в рай, каждый в свой, у него не было рая, но и не было ада, он когда-то выстроил свою жизнь в определенный порядок, не искал и даже боялся потрясений, зная, что это ему не под силу; слыша от людей, случайно встреченных в жизни, об их приключениях и опасных поворотах, он понимал, как это сложно, и даже опасался каких-либо перемен. Рядом с ним кто-то прошелестел, сел на высокий стул и заказал водку с апельсиновым соком – он знал, что этот напиток называется «Отверткой», но не понимал, что ею можно отвернуть. Скосив глаза, он увидел серую офисную мымру лет тридцати пяти. Понятно, что она была не замужем, без детей и с подмосковной пропиской. В глазах ее не было огня охотницы за пятничными миражами, то есть поддаться и бухнуться в койку со случайным собутыльником. Одета она тоже была кое-как – чисто, но без выдумки,

без подчеркивания зада, груди или других несуществующих достоинств, губы и глаза были покрашены скверно, без выдумки, только обозначены, что они есть, во всем ее виде глазу зацепиться было не за что, она давно поставила на себе крест, наверное, еще в двадцать пять, переспав с первым начальником маленькой конторы. Терпела его жирные руки и еженедельные насилования в кабинете за прописку и жалкую зарплату, которая была нужна как воздух для оплаты угла в Мытищах и скудной жизни, промаялась с жирным гадом три года, сделала два аборта от этой свиньи, которая обещала бросить жену и сделать ей ребенка. Ничего он не сделал, она терпела его, даже привыкла к его пятничным наездам, ждала даже их, хотела как-то изменить его, разбудить в нем нечто человеческое. Но не будите зверя, говорят разумные люди. Тянуть лямку стало невыносимо, через три года она проснулась, очнулась от безумия и рабства, выкупила комнату в хрущобе и ушла от своего «кумира» в другую жизнь, где не было этого мрака и унижения. Любимый ловил ее, заставлял исполнять его привычные омерзительные штучки, плакал пьяными слезами, что он вот-вот уйдет от жены, скоро вырастет сын, и он будет свободен, и они заживут весело и счастливо, и будет у них новый ребеночек. Она понимала, что это вранье, и потихоньку за полгода освободилась от него и зажила сама себе королева. Нрава она была кроткого, пахать ей было не в падлу, и на новой работе ее ценили и даже платили какие-то деньги, позволяющие ей жить

бедно, но достойно, она могла раз в год поехать в Турцию и зимой на неделю в Болгарию на лыжах, выпивать в пятницу свою «Отвертку» и даже купить старенький «гольф», чтобы не мотаться в электричках. С мужчинами у нее не сильно получалось, после душного романа с жирной сволочью тело и душа ее замерзли, и она поставила жирную точку в своей личной жизни. Предлагать себя она не умела, охотники не видели ее в свои прицелы, а пьяным сбродом в электричках она брезговала. Выпив две «Отвертки», она увидела мужчину – такого же офисного бедолагу, пьющего свою водку в свою пятницу. По первому образованию она была химик и прекрасно понимала химические процессы, возникающие в разных сосудах. Ее валентность и его валентность уравнивали водка и общая судьба, и она, не веря самой себе, первая спросила его новым для себя голосом очевидную глупость: «Как дела?» Он вздрогнул и не понял, к кому она обращается, и вместо ответа с улыбкой, что у него все «найс», хлопнул незапланированную рюмку и чуть не подавился. Он закашлялся, она, не веря своим глазам и ушам, хлопнула его по спине, и он сразу пришел в себя и с ужасом отодвинулся от сумасшедшей тетки, не понимая, что ей надо от него – он боялся клофелинщиц, – и, резко отодвинув свою рюмку, постарался сделать лицо более грозным, он ничего не понимал, туман в его голове слегка рассеялся, и мозг начал лихорадочно анализировать происходящее. За бумажник он не боялся, денег там не было – деньги были на карточке, а пин-

код он даже под пыткой не скажет, он это знал точно. Женщина смотрела на него с улыбкой, она уже знала, как химик, что реакция пошла, и это знание давало ей силы. Она со скоростью спринтера выпалила ему на голову все свое спящее много лет прошлое, не смущаясь, не прячась, не оставляя внутри себя ничего, до доньшка, все без остатка, захлебываясь своей историей, исповедью, давившей ее столько лет. Так бывает со случайным попутчиком в поезде ночью, после водки и курицы, когда не хочется спать и выплескивается все – светлое и темное – и, как река, затопляет и разрушает все дамбы и плотины, вырывается наружу, как поток, сносящий все. Мужчина, сбитый этим бурлящим потоком, сидел замороженный и инстинктивно стал успокаивать эту маленькую несчастную мышку, которая уже плакала, не сдерживая слез. Он понимал, что это не пьяный бред, он завидовал ей. Сам он уже много лет не может сделать то же самое, сбросить с себя груз невнятных желаний, неспетых песен, выплеснуть вот так сильно и страстно, не боясь, что осудят, засмеют. Он гладил ее руку, обнимал за плечи, говорил какие-то глупые слова утешения, которых он раньше не знал и не умел говорить. Она все плакала и говорила, он тоже хотел заплакать вместе с ней, но сдерживал себя, боясь показаться смешным. Он заказал еще две порции, и они еще выпили уже вместе, как одно целое, химическая реакция достигла точки кипения, и новая субстанция из двух разных молекул и атомов стала однородной и неразделимой. Он боялся, что у него не

хватит денег, он на минуту вышел в туалет, вымыл лицо и руки, волнение унять не удавалось. Он посчитал наличность – вроде хватало, потрогал карточку, посмотрел на остаток, но сразу отогнал мысли о священных домашних деньгах. Надо было уходить из бара, прощаться, ехать домой, но уйти было невозможно. Женщина держала его за руку, как за соломинку, как за канат, и он почувствовал, что, если он отпустит ее руку, она утонет, пропадет, он не мог бросить ее, он не знал, как поступить, но решение пришло само. Рядом с баром был старый советский отель, где останавливались командированные, приезжавшие в их НИИ на согласование проектов, он бережно взял женщину за руку, привел в отель, решив, что положит ее здесь спать, а потом поедет домой в свою тихую гавань, где нет бурь и штормов. Номерок был маленький, с большой кроватью, он раздел ее, как ребенка, он чувствовал огромную нежность и ответственность за еще три часа назад совершенно чужого человека, ставшего за каких-то три часа бесконечно дорогим и невыносимо близким и родным, они ничего не говорили друг другу, слов уже не было, он уложил ее, она не выпускала его руки, смотрела на него, не отрываясь ни на секунду, он чувствовал себя сильным и значительным, он никогда не чувствовал себя так, эта маленькая женщина из чужой жизни влетела в него снарядом, разбила все его крепости и страхи. Он курил, сидел рядом с ней, она слабо улыбалась и, как маленькая девочка, засопела, умиротворяющая и счастливая. Он сидел рядом с ней, забыв про дом,

про святые обязанности, он что-то обрел в этот пятничный вечер, что-то такое, чего он еще не знал, но понял, что без этого он жить не будет.

Счастливым человек

Мой товарищ – счастливый человек, он так устроен. Проболтавшись в жизненных неурядицах в 80-х годах, он вместе со страной, которую любит, как девушку, еще не встреченную, дожидаясь до полной гармонии. Падение империи подняло его волной на гребень успеха, он не стал банкиром, воротилой шоу-бизнеса, нефть не забила фонтаном у него на дачном участке по Горьковской дороге, но два автосервиса и три аптеки в области давали ему приличный доход и не требовали постоянного внимания. Дни, свободные от борьбы за безбедное существование, он проводил в обществе юных и не очень дев и вел себя как настоящий патриций. Средств для этого у него хватало, а фантазии и жизнелюбия ему и так было не занимать. Он исповедовал железный принцип – ни дня без женщин – и занимался этим вопросом системно. Его картотека – это образец творческого подхода к данной теме. Он находил их в газетах, на рынках, в местах общего пользования.

Внешние данные его были умеренны, ни одного атрибута из серии «голубоглазый блондин двухметрового роста» нет. Он был невысок, неказист, неречист, к этому нужно добавить ряд симпатичных штрихов – отсутствие растительности на макушке и возраст шестьдесят с небольшим.

День его начинался с обзвона предполагаемых участниц,

начинал он всегда с новых приобретений; если с ними не получалось по ряду причин, брал проверенные кадры из бывших в употреблении, ничем себя не запятнавших (имеется в виду хамство и алчность). Сценарий их встреч был четким и выверенным, как действия часового мастера. Он приглашал их в сауну, расположенную в жилом доме, которую сам построил десять лет назад для своего хобби. Сауна была без фонтанов, но в ней было чистенько и все содержалось в должном порядке. В гостиной служащий накрывал стол, вино С.Ч. выбирал сам, он знал толк, даже мог о нем многое рассказать, но время на это тратить не любил. Он был всегда галантен и предельно честен. Первая фраза в его сценарии всегда была такой: «Я женат, у меня двое детей, я люблю жену уже тридцать два года», – тем самым он ставил жирную точку на перспективу избранницы на его сердце и карман, это не всем нравилось, но головная боль об их светлом будущем уходила за горизонт. Из практики никто после этого из них не уходил и спокойно ел и закусывал. Потом рассказывалось несколько историй о встречах моего друга с интересными людьми, которых он и правда знал – ремонтировал их машины в далекие восьмидесятые. Он точно знал, сколько кому из них лет и кто за кем замужем, а это самая ценная информация для людей, далеких от мира искусства. Несколько фотографий, довольно потрепанных от частого употребления, где он с Удовиченко, Галиной Польских и Жанной Болотовой, дополняли его истории, как десерт обильную еду и

выпивку. Второй акт прелюдии был музыкальным – он выносил караоке и пел три песни. Пел он плохо, но очень задорно, появление караоке произвело культурную революцию, люди, которым было петь запрещено под страхом смерти, почувствовали себя выдающимися исполнителями, он был из этой плеяды. Он пел всегда три песни: «Там, где клен шумит», потом «Зайка моя» – эта песня имела подтекст, в период исполнения ее он подмигивал, ритмично двигался с вождением к объекту, но руки не распускал, дозировал свое чувство с безжалостностью хирурга. Третья, сокрушающая волю и парализующая тело жертвы, была песня «Доченька моя», песня закрепляла успех, обозначала разницу в возрасте, даже если она была призрачна, и в то же время отцовская интонация, приправленная нежностью и дрожью в припеве, валила жертву с ног в прямом смысле, и вот она уже трепещет в силках нашего охотника, она готова умереть от разрываемой сердце страсти.

Бурные объятия и крики завершают эту маленькую пьесу, где мой друг как бы в трех лицах – и режиссер, и сценарист, и главный герой. Она уходит в свою рутинную жизнь, где нет ни страсти, ни любви, нет даже этой не самой роскошной постановки в стиле домкультуровской эстетики. В реальной жизни есть тяжелая битва за существование, гора проблем и отсутствие какого-либо праздника, есть муж, который давно спит в пьяной коме, или отсутствие бывшего мужа, которое она тщательно скрывает на этих встречах. Невооружен-

ным глазом видно, что мужа давно нет, но анкеты, рассылаемые ею, множатся, и ночью на дочкином разбитом компе она разговаривает в чате с такими же неудачниками мужского пола, представляющимися бизнесменами, банкирами или на худой конец служащими госструктур. Она не очень-то верит в эти бредни, но других нет, и опять она меняет фотографию на более качественную и размещает ее на новом сайте.

Уходит она с блаженной улыбкой и надеждой, что, может быть, этот милый человек, такой галантный и пылкий, оценит и позовет еще и встреча их даст ей импульс отогнать от себя тягостные мысли, что произойдет чудо, он увидит ее, пойдет за ней, но опыт ее общения с такими мужчинами говорит об обратном – еще встреча, может быть, еще одна, а потом он нырнет поглубже, где холоднее и рыба вкуснее. Но все равно она благодарна ему за этот сладостный обман, за праздник, пусть маленький, но праздник, она заснет сегодня умиротворенная и уставшая и не подойдет к экрану, ожидая сообщений из брачного агентства, где, может, появились новые анкеты старых клиентов, где они поменяли фото и ник-нэйм...

Наш герой сегодня совершит еще один акт милосердия и по накатанному сценарию осчастливит соискательницу на приз «Девушка дня», которая получит свою дозу любовного напитка от нашего бескорыстного целителя. Он дарит радость людям, он незаметный герой на фронте любви, он достоин медали за заслуги перед человечеством. Грязные по-

литиканы получают премии от государственных организаций за несуществующие заслуги, а наш друг вот уже сорок лет изо дня в день творит добро. Если выбросить выходные и дни легких недомоганий, то получается, что за 40 лет (приводим расчет: 40 лет $\times$ 365—104 выходных дня) 20 тысяч женщин с небольшим обрели счастливые мгновения и надежду. Слава тебе, невидимый герой нашего времени, спасибо тебе, великий труженик!

OKsana

Это история женщины, которая уже двадцать лет бежит от войн и катастроф, но они настигают ее, как цунами, но она бежит снова, снова, потеряв разум, но не потеряв жажду жизни и человеческое достоинство. Она рассказала мне эту историю в старинном дворце сербского эмигранта, на берегу Адриатического моря, липкой сентябрьской ночью, при свете горящих факелов и под водку, которая лилась в меня вместе с ее исповедью не переставая. Ночь оказалась длинной, исповедь – тоже. Рано утром, оба без сил и пьяные, мы разъехались по домам, и я, проснувшись, не поверил в реальность рассказанного и пересказываю это как сон, который был или не был.

Киевская девчонка с малых лет ощущала себя особенной, отмеченной богом, оба ее родителя жили полнокровной советской жизнью, делали карьеру, времени детям не было, и ее воспитали дедушка с бабушкой и собака, живущая в доме членом семьи. Обычные пионерские и комсомольские радости не коснулись ее, она была одна с молодых ногтей, и все, что она сумела, было ее достижением. Маленькая женщина от рождения, когда ей было тринадцать, она, как Lolita, очаровала целое отделение районного КГБ, расположенное прямо против их квартиры в сталинском доме, полученной дедушкой у Советской власти за заслуги на ниве марксист-

ско-ленинской философии в местном университете. ОК ходила по дому, как и ее мать, голышом и совсем не стеснялась своей юношеской красоты. Оперативные работники теряли головы от нашей Лолиты, сходили с ума, некоторые, наиболее одаренные, звонили ей с намеками, остальные тупо дрочили, срывая сроки отчетов и плановых вербовок. В классе ОК была звездой, она была смышленной, все успевала, с одноклассницами не водилась, но вела себя ровно; девочки завидовали ей, но, поняв, что она им не соперница в битве за сердца школьников, перестали ревновать ее и замечать. Она сразу поняла, что ее ожидает в жизни, и начала готовиться к ней заранее: плавание, английский, пластика и много книг из библиотеки дедушки-профессора. Дома для эффективной борьбы с вредной идеологией у него были книги, за которые кое-кому дали немалый срок. Она читала, усердно занималась, иногда гуляла с подругой из соседнего подъезда по Крещатику, где обжигающие взгляды мужчин волновали ее, и она знала, что и как с ними делать. Первый опыт пришел в лице преподавателя пластики, заслуженного учителя страны, гордости педагогической мысли, а на самом деле закамouflированного педофила с высшим образованием. Он с радостью поделился с ОК своим богатым опытом, дал, так сказать, путевку в жизнь молодому дарованию. Молодое дарование не подвело учителя, сексуальные упражнения вошли в обязательную программу, а иногда она сама выступала с произвольной программой, удивляя старших товари-

щей своей интуицией и смелостью в экспериментах. Матери ее было некогда: она купалась в своей любви со старинным любовником. ОК знала его, жалела папу, но соблюдала статус-кво. В шестнадцать лет она полюбила старого пидора из художников-концептуалистов, начала рисовать и делать инсталляции под его руководством. Его мастерская под крышей на Подоле напоминала смесь наркопритона с элементами соцарта. Здесь ОК закончила образование досрочно, получила аттестат половой и эстетической зрелости с легким запахом плана и дешевого вина, которое она пила для остроты художественного видения. Надо было поступать в университет, но одним майским утром случился Чернобыль, все стало другим, семья ОК приняла решение бежать от этого в Крым, где у них был дом. ОК к этому времени была знакома и жила половой жизнью со студентом-медиком, ливанцем из Восточного Бейрута, который по тем временам был желанным иностранцем и давал шанс уехать из России, что всегда хотелось ОК до скрежета зубовного. Уехать, уехать – вот девиз, который, словно колокол, звучал в ней с детства. Студент дарил трусы и помаду, что по тем временам значило много, он мог накормить девушку в любом кабаке и слетать на выходные в Сочи пообедать. Он заканчивал Киевский мед и под давлением ОК предложил ей уехать в Бейрут. Она скрыла от него, что она еврейка, – переделала нос еще до него, и внешне ничего семитского в ней не было. Родителям ее отъезд не нравился, но бумаги они подписали, пони-

мая, что Чернобыль хуже Бейрута и брака с мусульманином. Только дедушка – защитник режима – был против, брызгал слюной и обзывал ее проституткой и изменщицей Родины. Он проорал до вечера, пока бабушка не закрыла ему рот, напомним, как он, житель Львова, тоже хотел уехать в Америку до прихода Красной армии, но не смог: пожалел мать, которую нельзя было перевозить, она не ходила, а так жизнь была бы другой. Не надо мешать, сказала бабушка, и ОК выехала в 87-м году в Бейрут с мужем, похожим на Омара Шарифа. Бейрут поразил ее безумно: море, антрацитовые ночи, воздух, пропитанный восточными пряностями, запах кальяна и блестящий мир восточного Парижа – так звали до войны Бейрут – закружили ее в непрекращающемся празднике 1001 ночи. Семья мужа встретила ее хорошо, но вскоре она поняла, что муж ее бездельник и дурак, сидит в кафе на бульваре у моря сутки, курит кальян с друзьями и дробит на всех баб, проходящих мимо. Работать в клинике ему было скучно, деньги тихонько ему давала мать, она же обеспечивала едой и прочим. ОК поняла, что в раю, каким был Бейрут, нужны деньги, а их не было, и она пошла на курсы массажа и английского в британскую школу. Через три месяца она стала ездить по вызовам на массаж, и жизнь ее переменилась. После приезда в Ливан из Союза ее Омар Шариф поблек и стал ниже ростом, она и так его не любила, а в Ливане бездельник стал еще омерзительнее. На одном из своих сеансов в билдинге на 30-м этаже она массировала стопятидесятики-

лограммового араба-миллионера, главу строительного концерна, построившего пол-Бейрута. Она случайно задела при массаже его крохотное достоинство, и ливанский кедр ожил, заохал, подарил ей сто долларов, и она чуть не ослепла от Франклина (100\$). Первый опыт был удачен, араб вызывал ее несколько раз в неделю, возил с собой в Египет, любил ее, она вернула ему потерянные ощущения мужчины, и он готов был жениться на ней, но, получив месседж от старшего сына дедушки-жениха, ОК разумно отказалась от брака, понимая, что сын не позволит ей подойти к сейфам дедушки, а зарубит на подходе. Сослалась на то, что она замужем и ей нельзя уходить три года, а то ее вышлют из страны. Дедушка поплакал, да вскоре умер естественной смертью, потеряв смысл жизни после отсутствия шевеления в промежности. После его смерти от него остались карточки двух его друзей, одинаковых с ним по возрасту и деньгам, и карусель массажных упражнений завертелась, появились деньги. Муж знал, чем она занимается, но молчал, воровал у нее и шел на берег моря за миражами. Межобщинный конфликт в Ливане перешел в горячую фазу. ОК почувствовала, что надо валить, и первым делом поехала в Киев разобраться с родителями и показать дочь, родившуюся от ливанца-мусульманина и еврейской мамы. Девочка понравилась маме, но не понравилась дедушке, он не целовал ее, не брал на руки, не гордился ею перед соседями, он плакал и не мог простить внучке союз с иноверцем. Папа ее не был правоверным иудеем, до неза-

висимой Украины был членом КПСС, гордился своим тридцатилетним стажем в партии, хотя ничего не поимел, кроме варикозного расширения вен от многочасового стояния в операционной, где он был хирургом с золотыми руками. Ему целовали эти руки пациенты и подносили конверты, у кого было, а у кого не было, получали то же самое без подарков. В Киеве, встретив старых друзей, ОК начала зажигать в клубах и кабаках так, что слухи и стон стояли по Киеву долго. В одну из ночей в клубе «От ранка до сранка» (эквивалент тарантиновского «От заката до рассвета») она встретила сербского дипломата еще не бывшей Югославии. Он был молод, красив, талантлив и давал надежду, что с ним будет лучше, чем с бейрутским ослом и альфонсом. Роман начался сразу, без разведки и артподготовки, химическая реакция из двух пробирок соединилась в реторте и закипела так, что остановил реакцию конец срока визы ОК и срочный выезд в Бейрут для массажных импровизаций с элементом реанимации старых членов. Серб звонил каждую ночь, смеялся, пел, рассказывал свою жизнь, где тоже было все: в восемнадцать лет литературный успех книги, сценарий по ней начали снимать в Швеции, потом работа управляющего в казино, бабки, крах. Обворованный партнером, он с помощью старинного друга отца получает работу в Киеве, где встречается ОК и теряет голову со всей страстью южного славянина и жителя морского берега. ОК понимает, что в Бейруте уже страшно, ночью стреляют, один из друзей потихоньку сказал ей, что

муж узнал, что она еврейка и что после исхода израильских танков он публично отрежет ей башку на рыночной площади. Она, забрав дочку, бежит ночью из Бейрута в Киев, где ее ждет серб, готовый начать с ней путь, который приведет к испытаниям удвоенной силы. Приехав в Югославию за три месяца до бомбардировок Белграда, они успевают пожить в Дубровнике в родительском доме нового мужа, и начинается развал в Югославии, война, кровь, междоусобица, опять побег, теперь в Израиль, с целым паровозом родни: мама, папа, новый муж и девочка от араба. Израиль принял новых детей Израилевых: двух католиков, двух членов КПСС и арабскую дочь. Жизнь в Израиле получалась не сахар, дипломатов было до хера, директора казино могли работать на заводе металлообработки снарядных гильз, которые вскоре упали на голову братьев-сербов от Сплита до Косово. ОК пошла уборщицей в страховую компанию. Ее обязанности были простые и ясные: в ленч стоять на выходе из столовой офиса и подставлять черный мешок для объедков от ленча менеджеров 13-го этажа. Она стояла в джинсах от Армани, с пятью языками к тому времени и ловила объедки ленча от сотни мужчин, которые не глядели на нее никак, им хотелось с разных расстояний попасть ленч-боксом в пакет, представляя себя звездой «Макабби» или бьющим штрафные в НБА. А после баскетбольного шоу, после их трудового дня она убирала двадцать офисов с плевками, жвачками, соплями под крышкой столов и прочими подарками отходов их жизнедеятель-

ности. Езда двумя автобусами и месячная зарплата, равная одному массажу в Бейруте, заставили искать другую работу, без контакта с группой мудаков в офисе, а с конкретной спиной и жопой конкретного персонажа. Работа нашлась в салоне виртуального секса, где тариф был 3,99\$ в минуту. На мраморном столе с компьютером и видеокамерой она стала трудиться, придумав себе ноу-хау женского сексуального производства. В умную голову ОК пришла безумная мысль, что она будет продавать свою услугу с новым специальным предложением, она может получить оргазм по команде абонента по мужскому принципу, с оргазмом и выбросом семени. Используя нехитрые приемы с гелем и ограничением фокуса видеокамеры, она ловко манипулировала вагинострада-телями из секс-сети и получала приличные деньги пополам с компанией, взявшей ее на работу. Муж знал о ее работе, но выхода не было, она ушла из фирмы, они стали работать дома на себя, и все стало налаживаться. Девочке от первого брака сделали дорогую операцию, спасли папу от старых болячек, дом в Кесарими уже строился, но случилось то, что случилось. Во время уик-энда в Эйлате муж с маленьким сыном, родившимся совсем недавно, был в супермаркете, когда раздался взрыв, потрясший всю набережную. ОК была на улице, муж с коляской – внутри, вой сирен и вой свидетелей и раненых закрыли солнце. ОК стала рваться внутрь искать своих, полиция искать не пускала. Она заглядывала в каждую «Амбуланас», мобильный молчал. Три часа она сто-

яла на коленях на газоне и молилась всем богам о спасении своих, через четыре часа вышел абсолютно невредимый муж с плачущим сыном, который два раза описался и не хотел лежать в мокром. После этого ОК получила стресс, который лечили долго, она не спала, картина разорванных тел и раненых не исчезала, она не выходила из дома, держала малыша в руках и твердила, что надо бежать дальше, туда, где нет этого ужаса и страха. В разгромленной Югославии в результате остался родительский дом, и все последние крохи улетели в результате неудачного бизнеса с магазином секонд-хенд. Денег не было настолько, что писатель и сценарист с тремя языками и прошлой работой в дипломатическом ведомстве идет с женой мыть машины с ведром и тряпкой, чтобы накормить свою семью – двух стариков отцов и родственников из Косово, бежавших и укрывшихся во дворе их дома. ОК решила принять католичество, полагая, что старый бог не защищает ее и пусть новый с большим рвением закроет ее от всех бед. Священник принял ее с добрым сердцем, стал исповедовать по воскресеньям, но и тут не было мира – ее доктор-психолог уговаривал ее не ходить в церковь, хотя со священником дружил. Битва за паству рассорила друзей, и ОК оказалась виноватой, нарушивший клятву исповеди священник перестал дружить с доктором, а ОК потеряла и врача, и духовника. Новая церковь не приняла ее, мир маленького адриатического городка был тесен. Она бродила по городу одна, сидела в кафе, где собиралась местная богема – маленькие

артисты местной оперы, псевдохудожники и дизайнеры, два сумасшедших поэта – и девушки, страдающие от непонимания и желающие прильнуть к богеме хотя бы одним местом. ОК чувствовала себя среди них звездой, пыталась разбудить их, сделать выставку и биеннале, но, увы, ею почему-то брезговала эта рвань, не видели в ней пророка, она для них была иностранкой с непонятной биографией и мужем, который моет машины. Терпела она недолго. Однажды она пришла туда вечером в пионерском галстуке со значками Ленина, Че Гевары и Мао и сказала речь о них, об их истории, о стране. Речь была яркой и настолько убедительной, что на следующий день весь город знал об этом, и все вынесли ей приговор – ненормальная русская с имперскими замашками. Ее начали сторониться, общаться она могла только с малограмотной украинской торговкой на рынке и художником, побиравшимся на рыночной площади, которому она иногда покупала сигареты и пиво, и он всегда жалел ее и поддерживал в смятении духа. Он говорил, что все неплохо, день прошел, и слава богу. К несчастьям духа прибавилось несчастье плоти: муж перестал спать с ней. Она не могла ему это простить, это мучило ее, потребность любить была ее сутью. Она иногда теряла голову и делала откровенно сомнительные предложения мужчинам. Они пугались. Она рассказала мне это на террасе большого отеля, когда пришла попрощаться. Мы сидели у бассейна и пили кофе, вдруг она спросила меня, можно ли ей поплавать, в ее глазах было столько мольбы,

что я не смог ей отказать. Она без купальника, в домашних трусах бросилась в бассейн, прыгала, ныряла и была безумно счастлива. Вода была для нее средой обитания, она была нимфой и русалкой, она плавала и выныривала, пугая старичков туристов своим пылом и энергией, они все приподнялись со своих лежаков и со страхом и восхищением смотрели на эту золотую рыбку с раздавшимися бедрами и отвисшей от времени ношения грудью. Она чувствовала себя в этом бассейне киевской девушкой, плавающей в Днепре, когда еще ничего плохого с ней не было, все впереди, еще все у нее было впереди. Она вылезла из бассейна, тяжело дыша, с блестящими глазами, в которых была благодарность за этот маленький праздник, которым она будет жить долго. Осенью и зимой, в бесконечных шатаниях из кафе в кафе, только этот миг в струях воды будет давать надежду, что бог не оставит ее, и черная цепь порвется, и она опять поплывет...

Юноши, дышащие в затылок

Мой юный товарищ-метросексуал – далее М.Т. – успешный бизнесмен тридцати лет. Парень он фартовый, ростом под два метра, ветеран фитнеса. Там, где у меня живот, у него восемь кубиков, он носит костюмы, состав ткани обозначается мистической цифрой 180, говорят, что они в ходу у сотрудников Администрации Президента. Он ведет здоровый образ жизни, каждую неделю делает анализы и следит за уровнем липидов в крови. При насморке делает комплексное обследование в ЦКБ и постоянно мониторит отходы своей жизнедеятельности. Все у него размеренно, одежда в шкафах лежит по цветам, работу домработницы он не ленится проверять сам, ложится на живот в спальне и проверяет, чисто ли вымыто в центре под кроватью. В рабочее время он может ответить на ваш звонок: «Извини, я на педикюре». До женитьбы он встречался с девушками исключительно для полноценного функционирования нижнего таза и простаты. Он ненавидел в женщинах отсутствие гармонии, и, если в неподходящем месте встречал неэпилированные волосы, это приводило его в отчаяние. Однажды он хотел жениться на девушке, но, когда она прилегла в джинсах на его разобранную кровать и стряхнула сигарету мимо пепельницы на дизайнерский столик, это обернулось для нее крушением надежд на брак с этим принцем крови из Мытищ. Ре-

стораны были его мучением, он не знал, чем себя удивить, пил дынный сок с сельдереем, ел овощи без соли и морепродукты с нулевой степенью заморозки, но ночью ему снились гамбургеры, крылышки с ядовитыми соусами – вот такое у него было раздельное питание. Приняв решение жениться, он стал искать светлое и чистое существо, не отягощенное кокаином и омутами Третьяковского проезда, и нашел ее в командировке в городе Краснодаре в лице горничной апартаментов. Она была кровь с молоком, а не дыня с сельдереем. Запутать ее было делом несложным, она боялась его, но менеджер отеля сказал ей, что можно нарушить регламент, потому что краю нужны инвестиции. Девушка про инвестиции ничего не знала, но парень М.Т. был видный и запах издавал волшебный. М.Т. забрал ее с работы, поселил у себя в люксе, где она каждое утро пыталась прибираться по старой привычке. Увидев на нем в первую ночь могоендовид (звезду Давида), она спросила, что это за знак Зодиака, и он почувствовал себя козлом. В бассейне отеля, где они плавали, он ей предложил позагорать в солярии, она посмотрела в окно и заметила, что солнце уже зашло. Он сам одел и обул ее, научил пить вино вместо пива и сделал из нее за месяц командировки если не лебедя, то уж голубку точно. Он потерял голову от нее, она открыла в нем новые желания, где не нужны ролевые игры или «золотой дождь», все было по природной дикости и естеству. Были и неудобства: он не мог обсуждать с ней новости и сплетни на «Компромат. ру», шуток она

не понимала. Командировка закончилась, и М.Т. стал собираться в Москву с драгоценным приобретением. Родители девушки были приглашены в ресторан на ужин для подведения итогов. Они пришли в глубоком нокауте. М.Т. не хотел новых родственников, но пришлось – он собирался всерьез и надолго и не любил непонятных ситуаций. Папа смотрел на М.Т. с недоверием, он желал счастья дочери, но боялся этого хлыща, который завезет ее в Москву, попользуется и бросит в какой-нибудь бордель или продаст на органы. Мама, наоборот, тряслась от страха по другому поводу, она тайно встречалась с дочкой, кровинушкой своей, и увидела, что ребенок счастлив, и боялась чем-нибудь испортить впечатление: а вдруг он не возьмет ее в другую жизнь, не вырвет из дикой нищеты и беспросветной госбюджетной жизни? Напряжение за столом спало, когда М.Т. как опытный, сказал тост за маму и папу и тем самым расставил все точки, дав понять, что его решение твердое, как ребро ладони, которое он тренировал еще со школьной скамьи. Папа выпил, расслабился до пьяных слез, стал говорить М.Т. «ты» и два раза обнял со вкусом, что тому не очень понравилось. Они улетели в Москву строить новую жизнь. В Москве все пошло неплохо, М.Т. пережил охи и вздохи своего окружения, девочки в «Галерее» и «Вог-кафе» пофыркали и вычеркнули его из списка потенциальных женихов и стали ждать новое поколение из Лондона и Сургута. Мама с папой, как интеллигентные люди, не возражали, они хотели, конечно, свою

девочку, но они уже давно робели перед сыном, создавшим им райскую жизнь с частными врачами и отдыхом в санатории «Архангельское». Им было неловко перед своими знакомыми за свою счастливую старость, но что же делать, так судьба раскинула карты. М.Т. интегрировал свою Элизу Дулитл в новорусскую жизнь, девочка впитывала все как губка, с удовольствием училась у двух старушек из Мориса Тореза языку и истории искусств у настоящего доктора искусствоведения, с удовольствием готовила М.Т. снившиеся ему котлеты из трех видов мяса и пельмени размером с хинкали. Он ее ругал за нарушение режима по схеме Волкова, но ел как подорванный, слегка раздобрел и стал менее рациональным. Ему нравилось, что девочка старается, прогресс ее был очевиден, упорство и жажда познания поражали его, она выгодно отличалась от холеных дур с дипломами МБА, и он был счастлив, как корова на лугу вдали от мясокомбината. Карьера его двигалась поступательно вверх, его любили два старших вице-президента – мужчина-англосакс и русская женщина, хищница из комсомольских блядей, с хваткой стальной и объятиями крокодила-аллигатора в период брачных игр. Она валила в свою койку топ-менеджеров рядами и колоннами, и отказа ей не было. Англосакс был тонкий щедрый человек, любивший виски, сигары и парней с кубиками и мускулистыми попками. У него тоже была очередь, но поменьше. М.Т. мечтал возглавить представительство в Женеве, там была площадка для взлета в центральный офис в

Манхэттене. Он желал этого так сильно, что готов был за это лечь с любым из вице-президентов, несмотря на их половые различия. Пока у них шла борьба за влияние в их представительстве за его зад и перед, он посмеивался и рассказывал это своей ласточке как гламурную историю из глупого фильма, девушка округляла глаза, отрываясь от тетрадки с неправильными глаголами и альбома Дали, где ей нравилось пока не все, а по-честному – ничего, она любила живопись из учебника «Родная речь» типа «Грачи прилетели», но напрягала себя и даже посмотрела три раза «Кофе и сигареты» Джармуша и на дне рождения англосакса поразила его своим мнением из «Коммерсант-уик-энд» – библии для гламурных персонажей. Ситуация накалилась, когда топ-менеджмент московского офиса вылетел в Лондон на годовое собрание, где решался вопрос изменения стратегии по инвестициям. Англосакс был уверен, что порвет сладкого М.Т. – дома и стены помогают, – вторая сторона тоже готовилась к бою, имея в запасе пару крапленых карт. В «Дорчестере», где поселили руководство, вкусно пахло, и М.Т. чувствовал себя на вершине блаженства. Он не терял времени, общался с местными, зондировал ситуацию по Женеве, за кем сила, и узнал инсайдерскую информацию о том, что англосакса посылают в Пакистан, и сразу порадовался за свой зад. Он знал правило, что один раз не... но как-то хотелось сохранить и лицо, и жопу, хотя чего не сделаешь ради дела. Ужинали в «Нобу» втроем, все фигуранты; англосакс блефанул

после десяти дринок, в туалете предложил Женеву в обмен на стремительный минет тут же, в сортире, но М.Т. не согласился и даже посмеялся над старым геем нагло и вызывающе. Уже в гостинице он знал, что отставная комсомолка сыграет с ним в покер и раздаст ему флеш-рояль, а взамен получит его тренированное тело в лизинг на неопределенное время, он знал, что у нее под Женевой есть шале, где она любила бывать, отдыхая от Москвы, где ее прошлое давило на нее и пригибало к земле, а вот в Швейцарии она изображала баронессу и дрючила прислугу, как русская помещица времен Некрасова. Он шел к ней в номер без сомнения в моральности происходящего. «Бизнес, ничего личного» – эта фраза оправдывает столько мерзостей, что ее надо запретить законодательно. Мегера вымотала его дотла – так поступают только с людьми, которые должны по жизни, так вот он и отработал за все и чуть больше. Желания ее были размаха Екатерины II, М.Т. по виду был гвардеец Преображенского полка, а по сути ленивый молодой кабан, который хочет спать, а не пахать, как жеребец, на старой кобыле. Он проснулся и ушел в душ, закрыв глаза, чтобы не видеть этого чудовища в утреннем освещении. Потом пили кофе, он получил ее согласие возглавить офис в Женеве. Вот оно, счастье, он даже хотел ее поцеловать за это, но следующее заявление шлепнуло по голове мешком с двухпудовой гирей: «Твоя кошелка туда не поедет! Ты понял?! Ты мой, или тебе не видать этого, как свою жопу в темноте! Ты понял?!» Он понял. Вышел

вон и заперся в номере и стал рассуждать о сказанном. Он сказал себе: подожди, взвесим и раскинем. Места хотелось, девушку в Москве он любил, ему с ней было хорошо, но Женева перевешивала, он знал, что чувство пройдет, а место уйдет и другого не предложат. Можно временно уехать, согласиться, обмануть старую блядь, а потом вернуть все, переиграть, запутать. По дороге в Москву он сидел весь рейс в задумчивости, все считал, раскладывал, выходило – надо было сдавать девочку, ее было, конечно, жалко, она за два года расцвела, тянулась к нему, готова была для него на все. Он приехал домой, подарил ее, ночью утопил себя в ее нежности, прощался с ней. Она, не ведая своего будущего, радовалась и шептала ему чудесные слова, которые он никогда не слышал. Он утром изложил ей план: он уедет в Женеву один, она приедет позже, пока пусть поживет с мамой-папой на родине в Краснодаре, а потом, позже, она приедет. Она поехала с ним в Шереметьево, в VIP-зале уже сидела мегера и смотрела на него немигающим взглядом. Он кивнул ей, что все решено, она ощерилась, как аллигатор, и он почувствовал, как его яйца вздрогнули, он понял, что прошел в ферзи ценой своей лучшей фигуры, партия завершилась. Он обнял свою пешку, поцеловал ее, она смотрела на него во все глаза. Он хотел сказать ей, что он едет навсегда, что ей там места нет, она вынужденная жертва, но он не смог, не захотел, спрятал свою голову, как всегда, в песок и пошел в самолет, уносящий его в жизнь, где он из ферзя превратится в пешку,

только на другой доске и в другой партии.

Шемаханская царица, или Много ли человеку надо

Слышишь голос человека несколько лет и не представляешь, как он выглядит. Из информации извне есть только голос, имя Глория и смутные ощущения, что ты где-то видел ее в суе мельком, образ черноволосой восточной женщины с усиками и пышной грудью, возраст и социальное положение неизвестны. Приходит день – и о! Ахнуть, умереть, не встать! Софи Лорен! Первый этаж лучше Софи Лорен. Роскошные черные волосы, крупные волны черных как смоль волос, копна антрацитового цвета, грудь волнуется и бурлит, как Каспийское море во время нереста осетров. Белые живые зубы, крупные, ровные от природы, не знавшие брекетов и отбеливания, точеные руки ровного шоколадного цвета, без морщин на сгибах локтей, длинные нервные пальцы с крупными украшениями, отполированными природой ногтями элегантной формы, а во втором этаже немного хуже, зад – троечка, а ноги с легкой кривизной велосипедного колеса без растительности (достижения эпиляции), короткие, несоразмерные с туловищем, но не отвратительно. Юбки короткие, платья короткие, вроде бы перебор, а нет, собственный выбор стиля с открытыми ногами до бедер – это смелость и желание наперекор природе показать свое достоин-

ство и сделать из недостатка преимущество. Это фасад, а вот теперь внутренний двор. Там все в порядке – быстрый ум, многослойная, на нюансах, речь, скорость вылета слов соответствует темпераменту, хорошая реакция, смелый взгляд и скулы, эротичнее которых не видел никогда. Двое детей, ранний брак с одноклассником, с которым с годами стало все ясно: не потянул ритм московской жизни, так и остался привычным к стилю жизни в Ереване, откуда пришлось уехать в период экономической блокады. Мало что не растет в личностном плане, так еще и по бабам шастает, с говном всяким подзаборным. Поймала она его по звонку подруги, от любви сердечной, дружбы бескорыстной наколку дала, а та дура в баню поехала, застала всю компанию тепленькими, по роже залепила и больше домой не пустила, а почему – не совсем понятно: ну выступил мужик, плоть взыграла, дома так не стоит, но с кем – с отребьем в трусах с рынка Черкизовского, прокладки впервые в Москве увидела. Чем человек думает? А чем он, кобель сраный, думает? Головкой своей обрезанной? До развода с мужем мужиков лом был, несмотря что не девка, уже дети большие. Выглядит на 25 лет при свете и без макияжа. А выгнала тварь эту, и как отрезало. Не звонит никто, не дергает, что же такое делается? В семнадцать замуж, дети, мужу верность хранила, покорность, воспитание, менталитет, тридцать пять пришло, кроме мужа и подруги пьяной никого и не попробовала, а силы есть, желание есть, а не аукается. На пляже подходят, в

ресторанах плятятся, боятся, не подходят, думают: ну, к такой подойди, отчешет, у нее мужиков лом, еще навалить могут, нет, лучше я к твари пойду, здоровей будет. Все есть: работа хорошая, карьера на мази, дети устроены, все есть, а счастья нет. В цвете лет, созрела, значит, хочется упасть спелым персиком в красивое блюдо, а потом и в рот ему, желанному, описанному в снах, в кошмарах утренних. Холодно одной в постели карельской березы с черным бельем, где место есть и для двух пар. Нет его, бродит где-то по параллельным дорогам. Сказать, что не действует активно, — так нет, открыта для сотрудничества, глаза не прячет, в люди ходит, а нет. К гадалке ходила, к модной. Сидит свинья раскормленная с глазками-щелками, вся в перстнях цыганских и под свечечку пургу метет про сглаз, про заговор, что муж брошенный заказал вуду африканскому порчу навести, ехать надо в Африку, деньгами перебить или ей двушку дать без гарантии. Чувствуешь, что парят тебя, разводят на порожняк, стыдно за себя, думаешь о себе хорошо, а делаешь вещи, что самой стыдно. Гадалка сидит, смотрит с жалостью, сама, свинорылая, с мужиком живет из консерватории, красавчиком, она ему смерть отговорила от руки товарища, жил с которым, теперь с ней живет чистым натуралом, с благоговением в складках жирных смысл ищет третьим глазом, который ведунья ему открыла, а жопу закрыла. Героиня наша домой пошла оплеванная, думу думать, как порчу снимать. Следующим лекарем была психоаналитик, рекомендо-

ванная подругой как человек тенденций новых, в Америке жила, практику имела обширную, сам Дастин Хоффман к ней хаживал, помогла ему комплекс после фильма гребаного выдавить из себя. Выдавила из него комплекс и квартиру купила на Остоженке в пентхаусе, хороший доктор, сидит, слушает херню вашу, а потом чек – и будьте-нате. Пришла к ней царевна наша с трепетом, вся на нервах, первый раз к психоаналитику, практики никакой, но белье новое надела на всякий случай, все-таки врач. Фильмы вспомнила «Анализируй это», «Клан Сопрано» – вот и весь опыт русского общества по вопросу этому. Раньше к подружке можно было сходить, поплакать в плечо, а сейчас не те времена, подруга слушать не хочет – своего дерьма полный дом, да и подруг уж нет после звонка, разрушившего ее личную жизнь с мужем гребаным. Никто никого слушать не хочет, зачем неприятности приваживать? Рассказывать свою беду доктору стала, запинаясь и нервничая, неудобно как-то – вроде чужой человек, а так потом разошлась, как прежде в поездах при Советах было: сядешь в купе – яйца крутые, курочка, помидорчики, за жизнь до доньшка, про все, а потом поезд пришел, вышел из купе, и все, абонент недоступен. Полтора часа монолога горячего, с отступлениями и эпизодами, все сказала, даже больше, чем все. Доктор глаза подняла и молвить стала: «Дело ваше ясное, история типичная, сначала делаем, потом думаем. Ну зачем в баню ехать было надо, что, не ясно, что в бане мужики делают? Конечно, обидно, но

ехать было не надо, отбрить подругу пьяную, что все знала: у нас договор такой, раздельная половая жизнь, передовые отношения, нет, сами лезем в ловушку, а потом назад дороги якобы нет, стыдно, люди уже все знают, кости моют, смеются, все так живут, чего горячиться? Что мужиков сейчас нет, так это пройдет, мужика своего домой верни, и он сразу всех опять приведет, как мухи на говно слетятся, отбоя не будет. Как простить ему? Да никак, не прощай, живи, другим давай. Не прощай, если болит еще». Вышла царица от доктора, заплатила с бонусом и почувствовала – легче стало, машина черная остановилась, мужик в машину зовет, с виду нормальный, не маньяк, улыбается хорошо, намаженный вкусно. Села, пусть будет что будет, поели вкусно, выпили крепко, он гладил руку, в глаза смотрел, в «Мариотте» очнулась, тепло, уютно, мужик сильный, негрубый, разошлись без ля-ля всякого. Утром муж позвонил, сперва про детей, потом – скучаю, прости, устал, больше не повторится. Приехал через полчаса, худой, неприбранный, поел все: и суп, и котлеты – и спать лег от нервного напряжения. Тихо в доме, все довольны, терпение и никаких лишних движений. Да здравствуют психоаналитики – попы наших дней!

Переходящее знамя

Мальчик из Тамбова в 65-м году приехал поступать в Москву, он дул в валторну, инструмент изящный, в разрезе напоминающий женские половые органы. Он был хорош собой – златокудрый фавн с есенинскими глазами, – его родители были почтенные люди: папа – начальник РОВД, мама – врач-педиатр. Сына отдали на музыку, как водилось в то время. Он подавал надежды и оправдал их, поступив в Московскую консерваторию, без блата пройдя конкурс и обаяв женскую часть приемной комиссии, особенно забрало женщину по истории музыки, сорокапятилетнюю профессоршу, еще совсем нестарую, жившую с дочерью от первого брака в Малом Кисловском переулке рядом с консерваторией. Мальчик в общежитии жить не хотел: грязно и холодно, и добрая профессорша договорилась с соседкой из третьей квартиры, где мальчик стал жить в домашних условиях. По правилам музыкальных заведений патронирование учеников было нормой, педагоги всегда видели в учениках больше чем студентов, а многие жили даже в семьях педагогов на правах детей. Наш случай был несколько другим. Женщина-профессор включилась в жизнь юноши с неистовостью и подлинной страстью, мальчик был очень милым, воспитанным, хорошо ел, еще лучше улыбался, гулял с собакой патронессы, выносил мусор, делал мужскую работу в женском жилище

и совершенно не интересовался жизнью студенческой молодежи, не пил с ними вина, не рассуждал до хрипоты о пьесах Губайдуллиной и невероятных пассажах Гидона Крамера, он относился к своей валторне как к инструменту столяра, она была для него как рубанок или бензопила для лесоруба. Легкие у него были хорошие, губы чуткие, ему удавалось извлекать из нее все, что хотели педагоги и все остальные. Он учился по воле родителей, он тайно знал, что дудеть он будет в жизни в свою дудку, и уж точно не под чужую. В нем был талант совсем не музыкальный, он был по природе торгашом, торговать было его страстью, предметы торгова не имели значения. Там, где возникал материальный интерес, и была его стихия. Ж.П. (женщина-профессор) привечала его, дарила ему вещи, водила его на выставки, в дома известных людей, гордилась им как дорогой сердцу игрушкой и играла с ним в игры на грани фола, ее будоражила его молодость, она желала его как последнюю страсть. Он легко поддавался на ее уловки, и все случилось зимним вечером естественно и ослепительно, мальчик поразил ее своей интуицией и неукротимой силой. Все ее перманентные партнеры – доценты и музыкальные критики, хорошо знавшие природу любви и историю вопроса, в практике были нелепы и слабоваты, она хотела бури и получила ее как Государственную премию. Дочку отдали на пятидневку в сад, и мама с новым сыном стала жить открыто под негодующие вопли соседей и ученого совета. Ж.П. вызвали к ректору, она пришла решитель-

ная и благоухающая, ответила на все вопросы, отмела доводы моралистов. Она держалась уверенно, членом партии она не была, имела дядю в Совмине, и от нее отстали, а вскоре перестали даже судачить, просто люто завидовали женскому счастью отдельно взятой женщины. Мальчик повзрослел, заматерел, отпустил бороду, как купец Третьяков, стал ходить основательно и медленно, розовые щеки под бородой пропали, и он стал визуально старше. Ж.П., наоборот, летала пчелой, взбодрилась и явно помолодела. Дочь, в выходные приехав домой, играла с папой-сыном и была счастлива. Закончив учебу, он получил место в аспирантуре, его воткнули в оркестр Гостелерадио, где он играл вторую валторну, а в антрактах в домино в паре с третьим тромбоном. Стал выезжать за рубеж, тут его талант бизнесмена раскрылся в полном объеме, лучше его никто не мог купить, а также продать, он знал весь механизм товарообмена и нажил неплохие деньги. Каждый год он позволял себе покупать новые «Жигули», всегда одного цвета, чтобы не вызывать классовой ненависти у окружающих. Ж.П. лезла вон из кожи, чтобы сохранить свое лицо и тело, но время неумолимо. Дочь от первого брака из ребенка превратилась во взрослую барышню, тоже совершила мамин трюк, забеременела от однокурсника, аборт делать было поздно, и в доме появилась третья женщина, а мужчина до сих пор был один. Внучка поставила точку в бабушкиной погоне за четвертой молодостью, и она сдалась. Села на свою задницу и стала воспитывать внучку. М.Т. жил

с ними, кормил весь дом, возил их на дачу, ну, в общем, был один в трех лицах: папы, мужа и дедушки. В лице его они видели Отца и Сына и Святого Духа. Падчерица оплакала свою любовь к идиоту-однокурснику, огляделась по сторонам и увидела, что счастье ходит рядом, и не только ходит, но и спит, ест и даже посматривает на нее дурным глазом, забыв, как качал ее на коленях в детстве золотом. Расстановка сил была такая – ему было 37 лет, бабушке 65, падчерице 25. Дочка заперлась с мамой в спальне и сказала, что счастья нет, что она повесится или прыгнет с крыши, все кругом твари и недоноски. Бабушка все поняла, заплакала и переехала в детскую, где сопела внука. Вечером, гуляя по инерции с мальчиком-мужем и собакой, кокер-спаниелем, похожим на ее любимого детеныша, которого она вырастила для себя и вот теперь должна была отдать, чтобы дом не рухнул и не раздавил их всех, она долго не могла начать этот жуткий разговор, но, собравшись с силами, сказала ему, что она боится за дочь и не будет возражать, если он поможет ей пережить стресс в его постели (сказать в «их постели» она не смогла, не сумела). М.Т. похлопал глазами, сказал: «Ну что ж, будем спасать». Спасать он начал ее в ту же ночь, под сдавленные стоны бабушки-жены и сопение внуки. Все как-то наладилось, ничего явно не изменилось, только в композиции одна часть поменялась на другую, и все. В 91-м году после всех дел он влез в бизнес с подачи дяди из Совмина – последний подарок бабушки любимому, – отселил бабушку с внучкой

на дачу – ребенку нужен воздух, а ему бабушка мешала радоваться жизни с новым поколением. Новая жена (естественно, гражданская), подготовленная матерью с малых лет служить мужчине верой и правдой, была незаметна и внимательна. М.Т. много работал, дома бывал редко, но жену не обижал, денег давал много, чужим ребенком не попрекал, внуку качал на коленях, как маму, и баловал, как принцессу. Приближался миллениум. Переход в третье тысячелетие в этой семье ознаменовался переменами глобальными. Внуке незаметно стало двадцать, мама от хорошей жизни заболела раком молочной железы, ее ждали операция и инвалидность по женской части. В ночь с 31-го на 1-е вся семья сидела в загородном доме за огромным столом в мерцающем свете свечей и сверкании столового серебра. Тихо звучала музыка, в доме было тепло и пахло елью. Во главе стола сидел венец творенья – М.Т., крупный мужчина с остатками золотых кудрей, с пивным пузом, купающийся в собственном соку, как астраханский балык вместе с тамбовским окороком. Ему еще не было шестидесяти, он был в полной силе. Напротив него сидели женщины, его женщины, которых он перемолол на своей мельнице, отправил их на заслуженный отдых и не выбросил на улицу, он был добр и помнил хорошее, он любил их, как умел, они любили его, понимая, что обречены потерять его как мужчину каждая в свое время. Он раздал всем сестрам по серьгам и конвертам, выпил за свою семью в трех поколениях, погладил вторую жену, пощекотал бабушку и це-

ремонно поцеловал ручку внучке. Старшее и среднее поколения переглянулись, все поняли. Выйдя из гостиной перед тем, как разойтись в свои комнаты, бабушка сказала дочке: «Наше переходящее знамя». Внучка поехала с дедушкой в «Гостиный двор».

Счастья не бывает много!

(Инструкция, как из женщины сделать блядь, а из мужчины предателя)

Семья Харикова была стабильно успешна. Денег хватало на все: на отдых, на школу дочке. Денег было много, их не считали; деньги лежали в пиджаке Харикова – банки он не признавал, сам в них работал. Если они заканчивались, в пиджак падала очередная «котлета», и так, казалось, будет всегда. Когда все время хорошо, есть опасение, что может быть иначе. Мысли эти нужно гнать сраной метлой и не привлекать беду. Поздно ночью Хариков возвращался из казино – он ездил ночью один, без водителя, по старой советской привычке, не мог терпеть, когда его ждет человек у стен кабаков и других мест – стыдно как-то, и капитализм здесь ни при чем. Выйдя из такси, он, покачиваясь, шел в свою арку с ключом в руке. Окрик: «Стоять! Руки за голову!» хлестнул как выстрел. Хариков, не останавливаясь, двинулся дальше, не понимая, что это относится к нему. Паспорт у него был с собой, он был спокоен. Топот ног и звук передернутого «АКМ» остановили его. Подбежали два сержанта-мордовороты, и один сразу ударил его черной палкой по хребту, спи-

ну обожгла острая боль. «Вы чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.